

ВОЛОГОДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИНСТИТУТ
УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УЧИТЕЛЕЙ

П. А. КОЛЕСНИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ
КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ
ВОЛОГОДСКИХ КРЕСТЬЯН
В XVII ВЕКЕ

637225

ОБЛАСТНАЯ
КНИЖНАЯ РЕДАКЦИЯ
Вологда — 1957

СОДЕРЖАНИЕ

I. Сухоно-Двинский водный путь в XVII веке и обслуживание его населением на участке между Вологдой и Устюгом	5
II. Солеваренные промыслы в Тотемском уезде в XVII веке	12
III. Другие промыслы, ремесла и занятия населения Тотьмы и Тотемского уезда в XVII веке	20
IV. Имущественное расслоение и повинности населения Тотьмы в XVII веке	23
V. Классовая борьба и восстания в Тотьме в XVII веке	30

Редактор *Н. А. Гусев*

Корректор *С. И. Соколова*

ГЕ01957. Сдано в набор 8. 2. 57 г. Подписано к печати 18. 4. 57 г.
Бумага 84 × 108¹/₃₂ = 0,875 б. л., 2,87 п. л., 2,8 уч.-изд. л.
Тираж 1500. Цена 50 коп. Заказ 1761.

Областная типография, г. Вологда, ул. К. Маркса, 70.

XVII век в истории нашей Родины заслуживает пристального внимания советской исторической науки.

Потрясенная в начале века борьбой за независимость, вышедшая из этой борьбы израненной, истекающей кровью, но победительницей и морально возмужавшей, Русь собирает все свои силы на дальнейшее развитие производительных сил.

Великий Ленин начало нового периода русской истории относит к этому веку. В это время усиливающийся обмен между областями, растущее товарное обращение, концентрирование «небольших местных рынков в один всероссийский рынок» вызвали действительное фактическое слияние всех областей, земель и княжеств в одно целое, а создание национальных связей было «ничем иным как созданием связей буржуазных»¹). К этому веку советская историческая наука относит начало процесса так называемого первоначального накопления в условиях Русского государства и особенно важнейшей части этого процесса — экспроприации народных масс. Это всё создавало предпосылки для перерастания имущественного расслоения в городе и деревне в социальное расслоение, к формированию рынка рабочей силы и кадров, обученных мастерству, людей, живущих главным образом от продажи своей рабочей силы, то есть создавались предпосылки для формирования кадров предпролетариата.

Все эти процессы в различных районах страны протекали не одновременно, но своеобразно, исходя из мест-

¹) В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 138.

ных условий. Благодаря многочисленным сохранившимся документам, их можно проследить и в районе старого Поморья¹⁾. Сейчас это в основном Коми АССР, Архангельская, Молотовская, Кировская области и большая часть Вологодской (Биряковский, Тотемский, Бабушкинский, Нюксенский, Велико-Устюгский, Тарногский, Верхневажский, Сямженский, Харовский и частично другие районы области).

Города Вологда, Белозерск, Череповец, Устюжна и некоторые западные районы Вологодской области входили в XVII веке в Замосковье.

История Поморья, деятельность народных масс этого района мало изучены. А ведь это территория, на которой можно разместить десятки крупных европейских государств! Это территория, которую в XVI—XVII веках пересекали торговые пути мирового значения в Европу и в Сибирь, с крупными торговыми-промышленными городами на этих путях. На этой территории, богатой лесами и реками, уже с древнейших времен вываривалась соль, добывалась железная руда, были развиты металлообработка, судостроение и ряд других промыслов и ремесел. Здесь протекали интересные социально-экономические процессы, а мастерство поморских умельцев, трудолюбие и смекалка населения, стремление его к свободе и независимости вызывали восхищение как отечественных, так и иноземных современников.

История той части Вологодской области, которая входила в состав Поморья, богата яркими страницами творческой деятельности народа, давшего многих смелых и умных, энергичных и деятельных людей, которыми мы и сейчас гордимся. Если взять только XVII век, то в это время мы находим многих, о ком нужно знать, чья настойчивость и сила воли способствовали освоению природных богатств Поморья и Сибири. Здесь и знаменитые землепроходцы Семен Дежнев, Ерофей Хабаров, Владимир Атласов, здесь и замечательные речные лоцманы, без которых тогда не отправлялось ни одно судно по реке

1) «Поморьем» на административном языке XVI—XVII веков назывались местности на севере Европейской России по берегам Белого моря, по Онежскому озеру, и по рекам Онеге, Северной Двине, Мезени, Печоре и Каме с Вяткою». (М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке. Том I, 1909 стр. 1).

Сухоне, здесь и первые мастера бурения глубоких скважин, здесь и славные умельцы — кузнецы и многие другие.

В данном очерке делается попытка осветить социально-экономические процессы и деятельность народных масс только на той части Вологодской области, которая в XVII веке входила в Поморье. Для этого воспользуемся сохранившимися документами за XVII век по городу Тотьме, до сих пор еще никем не использованными. В Москве, в Центральном архиве древних актов хранятся 6 писцовых и переписных книг, более 40 таможенных книг и несколько десятков так называемых кабацких книг, приходо-расходные книги по тотемскому солеваренному промыслу, огромное количество актового материала (переписка воевод и тотемской земской и таможенной администрации с Москвой, челобитные и судебные дела посадских людей и крестьян, различные другие документы того времени). Ряд приходо-расходных книг по соляному промыслу в Тотьме Прилуцкого монастыря хранится в Вологодском архиве.

Сам город Тотьма, являясь крупным центром на пути между Вологдой и Устюгом, имеет интересную историю, а деятельность его жителей оказала значительное влияние на развитие ремесла и торговли, на усиление классовой борьбы в этом районе страны.

1. СУХОНО-ДВИНСКИЙ ВОДНЫЙ ПУТЬ В XVII ВЕКЕ И ОБСЛУЖИВАНИЕ ЕГО НАСЕЛЕНИЕМ НА УЧАСТКЕ МЕЖДУ ВОЛОГДОЙ И УСТЮГОМ

Важнейшее значение для жизни народных масс Поморья, особенно с середины XVI века, имел Сухоно-Двинский водный путь.

В XVI—XVII веках в Русском государстве товарный оборот, за исключением зимнего времени, совершался в основном водными путями. Первенствующее положение занимали Беломорский путь (от Москвы через Сухону и Двину к Архангельску и далее в Западную Европу) и Волжский. В начальный период указанного времени преимущество было на стороне Беломорского пути, по которому шел основной поток товаров.

В Восточную Сибирь через Поморье шло несколько путей от Вологды через Тотьму, Устюг и далее. Большое

значение имел прежде всего Печорский или «чрезкаменный» путь (Вологда — Тотьма — Устюг Великий — Соль Вычегодская — Усть-Вымь — река Вымь до се верховьев — Вымский волок на Ухту — Ухта — Ижма — Печора — Уса — Собь — Елец — волок в другую Собь — Обь). Отсюда поднимались вверх по Оби на Березов и Тобольск или шли вниз к Обскому устью и Обскою губою в Мангазею.

Второй путь — Камский — подразделялся на Чердынско-Лозвинский и Бабиновский (Верхотурский). До гор. Чердыни шло одно направление: Вологда — Тотьма — Устюг Великий — Соль Вычегодская — река Вычегда — Сысола — Ужга — волоком в Каму и до Чердыни. Отсюда было два направления: Чердынско-Лозвинское, и с 1957 года, — Бабиновское¹⁾.

С открытия навигации и до поздней осени вверх и вниз по Сухоно-Двинскому водному пути непрерывно шли различных размеров суда, а иногда и целые караваны судов с хлебом, солью, мехами, кожами и различными отечественными и заморскими товарами. Плыли царские воеводы и разные приказные люди в сибирские города и в иноземные государства, плыли разные торговые люди и их приказчики, монахи и богомольцы, стрельцы и служилые люди, ремесленники и просто разные работные люди. А часто проплывали и целые караваны судов с иноземными шведскими, английскими, голландскими и иных стран послами и торговыми резидентами...

И каждый человек регистрировался в таможенных избах Вологды, Тотьмы, Устюга Великого и Архангельска, где со всех пеших и проезжих людей, со всех товаров, судов и подвод до 1653 года бралась в казну пошлина²⁾.

Особенно хорошо сохранилось делопроизводство Тотемской и Великоустюгской таможенных изб, что дает возможность изучить значение этого пути в XVI—XVII веках не только для Поморья, но и для всей страны.

По данным Тотемской таможни за год, с 1 сентября 1634 года по 31 августа 1635 года, мимо Тотьмы в оба конца проплыло более 500 разных судов, в том числе

¹⁾ С. В. Бахрушин. Научные труды. Том III, 1955, стр. 72—95.

²⁾ В 1653 году в Русском государстве был введен новый таможенный устав, по которому взимание проплавных и проезжих пошлин было отменено. С этого времени в таможенных книгах уже нет данных о движении судов и работных людей.

только самых крупных речных судов того времени: 194 дощаника, 16 лодей, 4 струга¹⁾.

От маленьких лодочек до огромных дощаников и лодей, все суда передвигались вниз по течению при помощи весел, а вверх тянули их северные бурлаки, которые в Поморье назывались судовыми ярыжными.

Нужны были люди, знающие фарватер рек Сухоны и Двины, умеющие провести судно через мели и перекаты. И таких людей было не мало. Они назывались носниками или речными лоцманами. Какое же огромное количество судовых и разных других ярыжных требовалось для обслуживания всего водного пути от Вологды до Архангельска, если на одно судно при движении вниз по реке панималось в зависимости от размеров и груза от 17 до 45 человек, а при движении вверх по рекам требовалось вдвое больше!

Особенно трудным для судоходства был участок на реке Сухоне между Тотьмой и Устюгом Великим, где насчитывалось множество крупных и мелких порогов, так называемых переборов, на любом из них в маловодье судно могло сесть на мель. Не легче бывало и весной, когда большая и быстрая вода требовала исключительного внимания, ловкости и сноровки, постоянного напряжения.

По материалам тех же тотемских таможенных книг в первой половине XVII века ежегодно только за навигационный период регистрировалось от 7 до 12½ тысяч судовых ярыжных и других работных людей, прибывавших в Тотьму, Устюг и Вологду для найма на суда (см. табл. 1).

Не менее людным был и зимний гужевой путь через Тотьму. Тысячи подвод шли с товарами и за товарами, много проезжало в такое время торговых людей и правительственный приказной администрации. В 1626—1653 годы только транзитом ежегодно проезжало здесь по 6—7 тысяч подвод. Если учесть привоз хлеба на тотемские рынки и вывоз соли с тотемского усолья, то в отдельные годы количество подвод доходило до 20 тысяч.

Спрос на рабочую силу для обслуживания транспорта зависел от времени замерзания рек, от урожайности хлебов в галичско-костромских пригородах и в хлебных рай-

¹⁾ Таможня отмечала размеры всех проплавных судов, так как пошлина бралась в зависимости от размеров. По Сухоне плавали дощаники, лодьи и барки длиной от 11 до 27 сажен.

Таблица I

Движение работных людей, обслуживающих водный и гужевой транспорт, на участке между Вологдой и Устюгом Великим¹⁾

Годы	Носников и кормчиков	Судовых яржных на проглавных судах	Число работных людей, что ехали „для найма“ на суда и сопровождали торговых людей	Число проводников только на транзитных подводах ²⁾	Всего
1626—1627	429	6551	3107	не учтено	10087
1627—1628	402	5291	2214	2902	10809
1630—1631	789	10498	1326	3393	16016
1634—1635	467	7772	1607	3058	12904
1644—1645	625	9630	1760	не учтено	12015
1648—1649	340	5915	1700	3328	11283
1649—1650	322	6106	638	1650	8716
1651—1652	535	8496	1127	не учтено	10158

онах самого Поморья, от количества прибывших иноземных торговых судов в Архангельск, от казенных закупок и т. д. Так, тотемский таможенный голова Иван Сухомесов, объясняя причины недобора пошлин в 1648—1650 годах, писал, что осенью в эти годы суда и торговые люди мимо Тотьмы водным путем к Вологде не шли, так как в силу ранней зимы многие суда ниже Тотьмы и Устюга стали в заморозе, и товары зимой гужевым транспортом пошли по дороге через Вагу...³⁾.

Потребность в людях для обслуживания водного транспорта была столь велика, что создавались предпосылки для образования своеобразных рынков рабочей силы в Вологде, Тотьме, Устюге, Холмогорах, Архангельске. Весной и летом в этих городах скаплялись тысячи людей. Здесь создавались артели бурлаков, груз-

1) Подсчеты сделаны по таможенным книгам г. Тотьмы №№ 2, 4, 7, 12, 23, 28, 30, 828. Книга № 12 опубликована. Все хранятся в ЦГАДА.

2) Точно учесть количество проводников невозможно, так как часть подвод сопровождали хозяева. Считаем, что количество наемных извозчиков примерно равнялось половине зарегистрированных таможней транзитных подвод.

3) Приказные дела старых лет. 1650. № 30.

чиков, плотников, оформлялись подрядные между судовладельцами и ярыжными, носниками, кормщиками, водоливами для сопровождения судов, погрузки и разгрузки их. Например, в Устюге только в качестве присадчиков¹⁾ на участок до Тотьмы требовалось в навигационный период от двух до четырех тысяч бурлаков. Уже в апреле — мае мимо Тотьмы проплывало из Вологды по 50—60 дощаников, не считая более мелких судов, на которых было до 1500—2000 бурлаков, носников, кормщиков, которые в эти месяцы собирались в Вологду для оформления найма на суда.

С марта Тотемская таможня начинает собирать пошлину с людей, которые едут в Вологду, Устюг и другие места «наймоваться па суда».

Но все эти люди проплывали на судах и проходили в поисках работы мимо Тотьмы. Тотемский посад являлся значительным рынком наемной рабочей силы. Здесь скапливалось иногда по нескольку сот только судовых ярыжных. Часть из них нанималась на суда, часть возвращалась в Устюг, а некоторые нанимались в монастырские хозяйства, к солепромышленникам набивать соль в рогожи, грузить ее на суда и т. д.

Таможенная книга по Устюгу Великому за 1633—1634 год дает количество работного люда разных категорий около 11 тысяч человек. По Тотьме за 1634—1635 гг. (синхронной таможенной книги по Устюгу нет) число их составило около 10 тысяч. Почти полное совпадение количества работных людей, с которых была взята пошлина в Тотьме и Устюге, подкрепляет вывод, что в среднем одних судовых ярыжных здесь требовалось до 10000 человек в год.

Таможенные писцы не указывали происхождения и социального положения тех ярыжных, которые уже были наняты на суда, но о всех людях, ехавших наниматься в бурлаки или на другие работы, сообщают некоторые сведения. Чаще всего указывается, из каких они мест. Это позволяет нам узнатъ, откуда и какие люди шли на обслуживание Сухоно-Двинского водного пути на участке между Вологдой и Тотьмой. На первом месте среди них были разоренные крестьяне и беднота посадов, расположенных

¹⁾ Присадчиками назывались такие бурлаки, которые в Устюге и других пунктах нанимались дополнительно на суда на трудный участок до Тотьмы.

женных на этом пути (Вологда, Шуйское, Тотьма, Устюг), крестьяне и беднота нынешнего Тарногского района, территории которого раньше называлась Кокшеньгой, и из Устьянских волостей и Верховажья (сейчас это Верховажский район Вологодской области и примыкающие с севера к нему районы Архангельской области).

В бывших Тотемском и Великоустюгском уездах были села по берегам Сухоны, в которых весь мужской состав из поколения в поколение занимался бурлачеством, дав многих известных тогда речных лоцманов — нижнесухонских носников. К таким населенным пунктам, кроме Тотьмы и Устюга, относятся Коченга, Нюксеница, Сельменга, Озерки, Бобровское и другие.

В начале XVII века, когда после польско-шведской интервенции центральные районы страны были сильно разорены, в бурлаки на Сухоно-Двинский водный путь шло много крестьян и посадских людей из Галича, Костромы, Ветлуги, Унжи, Судая, Чухломы и из других мест. К середине века приток работных людей из отдаленных районов уменьшился, и водный путь обслуживался преимущественно населением Поморья.

В суровых условиях севера труд поморских судовых ярыжных был не легче труда волжских бурлаков. История Сухоно-Двинского водного пути — это, прежде всего, история многих поколений трудящихся, занимавшихся бурлачеством, жизнь полная горя и страданий, тяжелого труда, нищеты и бесправия.

Сколько человеческого горя и страданий видели берега Сухоны, Двины! В июльскую жару и в холодные дни северного октября, в сухую погоду и под осенним непрерывным дождем с пронизывающими до костей ветрами тянули люди суда от Архангельска к Вологде. Нужно было преодолевать и каменистые крутые берега, и заболоченные низкие места, нужно было вброд переправляться через реки и речки, что впадают в Сухону и Двину, преодолевать овраги и ручьи. А когда судно на перекатах Сухоны садилось на мель или поздней осенью, не доходя до места назначения, замерзало, то нужно было выгружать товары, работая по пояс в воде...

Один из иностранцев, ездивший в XVII веке этим путем в Москву, в своем дневнике так записал о труде сухоно-двинских бурлаков:

«... и удивительно, какую тяжелую и большую работу

исполняют рабочие люди: они часто должны в одной рубахе целый день стоять и работать в холодной воде, по которой почти идет лед... Не всякий год случается им, — как я почти должен сказать — редко случается, чтобы дощаники и лодыи достигли города Вологды; обыкновенно же большей частью они замерзают на дороге и иногда в таком месте, где нет на несколько миль ни одного села, где должны все товары выгружать и строиться рабочими людьми хижины, где они могут укрыться от холода и поддерживать огонь»¹⁾.

Судовые ярыжные, кормщики и речные лоцманы (носники), извозчики и проводники подвергались насилию и произволу со стороны судовладельцев и нанимателей, со стороны государственных служилых людей, ездавших по подорожным. В порядных и поручных записях, оформлявших наем на суда, оговаривалось, что за непройденную часть пути в том случае, когда судно станет поздней осенью «в заморозе», бурлаки денег не получают. Судовладельцы широко применяли кабалу. Дав взаймы, они требовали ехать на невыгодных условиях. В пути судовые ярыжные подвергались побоям, а при окончании договорного срока судовладельцы использовали различные предлоги для вычетов из условленной суммы.

Писцовые книги и другие документы характеризуют судовых ярыжных, особенно в конце XVII века, как самых обедневших людей посадов и деревень. Обычно это люди, у которых на посаде в городах уже нет даже своего двора и огорода, а в деревне их угодьями завладели богатеи. Разоренные богатыми солепромышленниками, судовладельцами и торговыми людьми, эти люди могли лишь продавать свою рабочую силу летом для бурлацкого дела, а зимой наниматься в сторожа, грузчиками, проводниками, плотниками в судостроение и на другие работы.

Тот факт, что при таком оживленном движении судов и при таком огромном спросе на рабочую силу ни один документ не отмечает недостатка в бурлаках, дает основание говорить как о далеко зашедшем процессе экспроприации ремесленников и крестьян в Поморье, так и о большой емкости складывающегося рынка рабочей силы для обслуживания речного транспорта.

¹⁾ Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М. 1915, стр. 191.

Борьба судовых рабочих за свои права имела большое значение и для всей эксплуатируемой массы в Поморье. Северные бурлаки были активной силой во время восстаний против феодального гнета.

Для обслуживания речного и гужевого транспорта требовались не только бурлаки, речные лоцманы и проводники-извозчики. Требовалось большое количество лодейных мастеров, строивших речные суда различных размеров. Между Вологдой и Устюгом было несколько центров речного судостроения. Наиболее известными такими центрами было село Шуйское и ряд сел и деревень бывшей Векшенгской волости Тотемского уезда (сейчас Биряковский район). В деревнях этой волости — Дуроватине, Уваровице и Кожухове — почти всё население занималось изготовлением дощников, лодей, павозков и разных малых лодок. Известно, что в конце XVII века многие дворы этой волости освобождались от ряда повинностей в связи с тем, что их владельцы были в Переславле Залесском на «государевом плотничьем корабельном деле»¹).

Занимались судостроением крестьяне деревень по рекам Ихалице и Толшме. Для судостроения требовалось большое количество лодейного леса, тесу, пакли, смолы, деревянных и железных скоб и гвоздей, якорей и канатов. Заготовкой и доставкой всего этого занимались крестьяне многих волостей по обе стороны реки Сухоны.

II. СОЛЕВАРЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ В XVII ВЕКЕ

На пути от Вологды к Архангельску первым городом и значительным промысловско-торговым центром, одним из центров солеварения в Поморье была Тотьма. В состав Тотемского уезда в XVII веке входили почти полностью нынешние Биряковский, Сямженский, Бабушкинский районы, примерно половина Нюксенского и весь Тотемский район.

Достоверных исторических документов о времени возникновения Тотьмы нет. Если согласиться с сообщением знатока Поморья М. Богословским, что в уставе Новгородского князя Святослава Ольговича 1137 года название населенного пункта «Тошма» есть лишь ошибоч-

¹) Москва. ЦГАДА. Приказные дела старых лет. 1688. № 333. лл. 7—8.

ное написание Тотьмы¹), то 1137 год и можно будет считать первым упоминанием об этом городе. Мнение некоторых дореволюционных краеведов, что город якобы до XVII века стоял в устье реки Тотьмы, а в 1539 году, после разорения его казанскими татарами, был переведен в район солеварения по речке Ковде (где сейчас санаторий), ничем не подтверждается²). Если в районе реки Тотьмы и был какой-либо укрепленный городок в XVI веке, если жители этого городка после набега татар и переселились к варницам, то поселением, из которого вырос город в марксистско-ленинском понимании этого термина, был населенный пункт в районе варниц.

О том, что здесь, в районе расположения подземных соляных источников, задолго до 1539 года существовал крупный центр солеварения и был посад, говорят многие документы, найденные в архивах.

В одном из спорных дел по землевладению приведена данная тиуна Ивана III за 1500 год, в которой поселение у варниц названо «Соли Тотемским»³). Уже одно это говорит о том, что Солитотемский посад задолго до набега татар был в районе солеваренных промыслов. В Тотемском музее хранится один подлинный документ, в котором говорится, что в этом посаде около 1514 года была построена Ильинская церковь. Первоначально посад стоял у самых варниц, в двух километрах от нынешнего расположения. С открытием торгового пути в Западную Европу через Белое море, с превращением рек Сухоны и Двины в важнейший речной путь к Архангельску, возникла необходимость переместить город от варниц к самой реке Сухоне, что и было сделано в 1554—1555 годах.

Тотьма в XV—XVIII веках являлась не только одним из центров солеварения Русского государства, но и тем местом, откуда, возможно, «родилось и откуда распространилось искусство устраивать рассолоподъемные трубы»⁴.

¹) М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII веке. Том I. М. 1903, стр. 2.

²) А. А. Зимин в своей работе о составе русских городов 16 века без всяких оговорок ссылается на это утверждение краеведов. (Исторические записки АН СССР, № 52, 1956).

³) ЦГАДА. Приказные дела старых лет. 1650. № 30.

⁴) Так писал один из горных инженеров в начале XIX века в «Горном журнале» (см. за 1826 г. книги 1—2 и 7—8).

Есть основание с достоверностью утверждать, что именно тотемские мастера научились бурить глубокие скважины для добывания соляных рассолов, из которых выпаривалась соль. Дело в том, что из всех мест, где вываривалась соль из подземных рассолов, в Тотьме они залегали наиболее глубоко, и потому требовалось бурить скважины глубиной до 75—90 трубных сажен (до 130—165 метров). Именно тотемские трубные мастера разработали технику глубинного бурения скважин. Сохранилось наставление, известное под названием «Роспись как зачать делать новая труба на новом месте»¹). Наличие более 120 специальных технических терминов, логика и последовательность изложения дали основание назвать автора этой «Росписи» тотьмича Семена «своего рода древнерусским горным инженером»²).

Солеваренные промыслы были не только в Тотьме, но и в ряде других мест бывшего Тотемского уезда. По преданию, долго бытовавшему среди населения, уже в XV веке в Спасском погосте на реке Леденге (сейчас Бабушкино) вываривалась соль. Видимо, это соответствует действительности, так как в начале XVII века здесь была обнаружена писцами пустовавшая более 100 лет рассолоподъемная труба. Лишь с середины XVII века на капиталы поморских торговых людей Усовых-Грудцыных начинается вновь выварка соли. В 70-х годах этого века писцы записали здесь 4 действующих трубы и 9 варниц, а рядом церковь, дворы и избы, в которых жило более 100 наемных работных людей промысла. В 1704—1705 годах Леденгское усолье было отписано от Грудцыных в казну³).

В начале XVII века писцы упоминают в Векшенгской волости одну трубу на реке Перстовке и две трубы около д. Глухой. Старожилы показали, что эти трубы пустуют уже более 100 лет. Трубами в д. Глухой завладел гость Данило Панкратьев, владелец крупного Сереговского усолья на реке Выми. Но рассол оказался низкого качества. Панкратьев отказался варить соль. Зато захваченные в этой волости пашни и сенокосные угодья он ис-

¹⁾ Опубликована Д. Прозоровским в Известиях археологического общества. Том VI, отдел I, вып. 3. СПб. 1868.

²⁾ История Москвы. Том I, стр. 617.

³⁾ Писцовая книга по Тотьме. К-485; Приказные дела старых лет 1705, № 50.

пользовал для создания продовольственной базы для своего Сереговского усолья. В 1687 году за ним числилось только в Векшенгской волости 3 деревни, где жило и работало на Панкратьева 40 человек разных зависимых людей.

Первоначально в Тотьме, видимо, было артельное владение промыслами, но с развитием товарно-денежных отношений варницы и трубы переходят в руки отдельных лиц или в руки нескольких совладельцев, но уже с денежной оценкой каждой доли совладения.

В XVI веке львиную долю тотемских солеваренных промыслов захватывают Строгановы и монастыри. К концу XVII века ни посадские люди, ни крестьяне как на посаде, так и в Леденгском усолье уже не владеют варницами и трубами. Весь промысел перешел в руки монастырей и гостей Грудцыных-Усовых, Гусельниковых-Федотовых, Булгаковых и к дьяку Осипу Палицыну.

Крупные торговые люди вкладывали свои капиталы в солеварение с большой для себя выгодой. Эксплуатируя труд нанимавшихся на промыслы разоренных жителей посада и деревень, они наживали большие прибыли, накапливая еще большие капиталы в своих руках.

Таблица 2

Состояние соляных промыслов на Тотемском посаде и в уезде (по материалам писцовых книг) в XVII веке

Годы	Действующие варницы			Действ. сол. трубы		
	на посаде	в уезде	всего	на посаде	в уезде	всего
1619	19	—	19	4	—	4
1676—1679	23	9	32	6	4	10
1687—1688	24	4	28	6	2	8

Выварка соли на всех действующих варницах показана в таблице 3. Материалы взяты из таможенных книг, где до 1654 года указывается не только число проданной, но и оставшейся не проданной соли за год. К сожалению, с 1654 года таможней фиксировалась только проданная соль. Эти цифры не будут абсолютно точно отражать производительность усолья, но, взятые за весь век, они

дают приближенное представление об интересующем нас вопросе.

Особой графой включается продажа соли по Леденгскому усолью, где основная масса работного люда была из Тотьмы и уезда (см. таблицу 3).

Таблица 3
Продажа соли по Тотемскому посаду и уезду

Годы	Продано соли в пудах	Осталось не про- данной	Всего	Да продано соли в Ле- денгском усолье	Примеч.
				—	
1626—1627	48757	7900	56657		
1627—1628	39237	6000	45237		
1628—1629	51610	9750	61360		
1630—1631	53715	6800	60515		
1631—1632	53272	13300	66572		
1633—1634	64206	15190	79396		
1634—1635	91109	41200	132309		
1638 г. ¹⁾	156891	12300	171860		
1639—1640	135913	33750	169673		
1641—1642	93835	650	94485	3250	
1643—1644	77487	31800	109287	3050	
1644—1645	92020	41180	133200	3350	9. 6. 1646 г. сгорело 10 вар- ници.
1647—1648	79540	26500	106040	395 ²⁾	
1648—1649	103137	31900	135037	40 ²⁾	
1649—1650	86186	16070	102256	нет дан- ных ³⁾	
1651—1652	20288	2300	22588	то же	
1653—1654 ⁴⁾	41145	—	—	»	
1654—1655	48661	—	—	»	
1655—1656	49059	—	—	»	
1656—1657	46543	—	—	»	

¹⁾ С 1 января 146 по 1 января 147 год. См. таможен. книгу № 14.

²⁾ Это леденгскими солеварами продано в Тотьме; продажи соли в Леденге не указано.

³⁾ С 1653 года сбор пошлины в Леденгском усолье был отдан на откуп солеварам Грудцыну и Выдрину, поэтому и нет данных о продаже соли (см. ЦГАДА, ф. 159, 1653 г. № 1059).

⁴⁾ С этого года учитывается по книгам только проданная соль.

Годы	Продано соли в пудах	Осталось не про- данной	Всего	Да продано соли в Ле- денгском Усолье	Примеч.
1657—1658	54907	—	—	нет данных	
1658—1659	45473	—	—	3147	
1659—1660	54025	—	—	8026	
1662—1663	32180	—	—	5339	
1663—1664	70344 ¹⁾	—	—	11354	
1664—1665	45055	—	—	7182	
1665—1666	49822	—	—	6649	
1669—1670	51178	—	—	8354	
1674—1675	105345 ²⁾	—	—	6405	
1675—1676	54954	—	—	4526	
1676—1677	57583	—	—	6036	

При внешнем сопоставлении числа действующих варниц с количеством продаваемой соли получается резкое несоответствие.

В 1626/27 году числилось всего 19 действующих варниц, и соли продавалось около 50 тыс. пудов, а в 1676 году всего на посаде и уезде было 32 варницы, а продавалось около 60 тыс. пудов.

Конечно, данные таможенной книги за 1676/77 год требуют серьезных поправок. Есть отписка тотемского таможенного головы Анисима Нератова о причинах недобора пошлин в 1674/75 г.³⁾.

Нератов представил таможенные выписки из других городов, где тотемские солевары продали «в отвоз» 42652 пуда 3 четверти. При этом он указывает, что после 1666/67 года стали много продавать соли в отвоз, а не на месте, так как продажная цена соли в Тотьме значительно ниже, чем в других городах.

Бесспорно, что в 70—80-х годах продавалось не по 50, а по 100 и более тысяч пудов соли. Это подтверждается тем, что спрос на рабочую силу в это время не уменьшился, и до 80-х годов идет непрерывный количественный рост посадского населения. Подобное наблюда-

¹⁾ Сюда входит 29707 пудов соли, проданной в отвоз. Запись об этом велась в особой книге (см. Таможенная книга № 46).

²⁾ В том числе продано в отвоз 42652 п. 3 четв. (Приказные дела старых лет. 1676, № 80, л. 5).

³⁾ Приказные дела старых лет. 1676, № 80.

лось и в Леденгском усолье, откуда еще больше вывозилось соли на продажу в другие города. Видимо, в Леденге вываривалось по 15—20 тысяч пудов соли ежегодно.

Для обслуживания солеварения требовалось много работных людей. Нужны были трубные мастера — специалисты по бурению и ремонту скважин, рабочие бурильщики, повара — специалисты солеварения, водоливы, дрововозы и печники. Для изготовления и ремонта огромных сковород, в которых выпаривалась соль, требовался труд кузнецов и молотников¹⁾.

В 1688 году только на 24 варницах посада было занято не менее 150 постоянных рабочих, а на всех соляных промыслах посада и уезда во второй половине XVII века — не менее 500 взрослых рабочих. Тысячи крестьян заготовляли и доставляли к варницам ежегодно не менее 10—12 тысяч сажен дров.

Невероятно тяжел был труд варничных рабочих!

Четыре водолива должны были непрерывно обеспечивать варничу рассолом. Для этого требовалось достать в сутки при помощи «журавля» не менее 350—500 бадей рассола из колодцев-скважин, глубиною в 150 метров и более²⁾. Рассол предварительно собирался в особые рассольные чаны, откуда сливался в цырены. Еще тяжелее был труд тех, кто непосредственно вываривал соль. В XVII веке работали «черные варницы», без труб. Люди трудились в помещении, заполненном дымом и парами кипящего рассола. Если летом можно было выйти и подышать свежим воздухом, то в морозы это было невозможно.

Водоливами и поварами работали обычно взрослые, но на подсобных работах в варницах широко применялся труд детей и подростков. Документы позволяют проследить, что в семьях, постоянно работавших в варничном

¹⁾ Сковороды эти назывались цыренами. Размеры их, судя по величине варниц, были не менее 12 кв. сажен. На изготовление такой сковороды требовалось выковывать из кричного железа от 200 до 400 штук железных полос соответствующей длины и не менее 4000—5000 гвоздей и шляпок для сшивания из этих полос цырена.

²⁾ По свидетельству одного путешественника в 1791 году в Тотьме на одну сковороду-цырен в сутки требовалось достать 500 бадей, емкостью бадей в $3\frac{1}{4}$ ведра, что составляло около 1875 ведер (П. И. Челищев. Путешествие по Северу России в 1791 г. СПб. 1886, стр. 196—197).

и промысле, уже с 11—12 лет дети нанимались в варницу и постепенно осваивали специальности пескарей, тчаников, подварков, водоливов и, наконец, поваров.

Анализ тотемских солеваренных промыслов XVII века, особенно второй его половины, дает основание сделать определенные выводы по организационной их структуре и отметить ряд явлений, знаменующих признаки процесса первоначального накопления и генезиса капитализма.

1. К концу XVII века закончилась экспроприация мелких посадских солеваров, промыслы которых полностью перешли в руки монастырей и пришлых торговых людей. Здесь налицо обращение торгового капитала к организации промышленного производства.

Переход промыслов в руки торговых людей совершился различными путями. Торговые люди брали их в залог с последующим полным захватом или скупали у местных посадских и волостных солеваров, имеющих мало свободных капиталов. Практиковалось «складничество» капитала торговых людей и земельных угодий с подземными соляными ключами, принадлежавших посадским людям или крестьянам, причем второй совладелец вытеснялся вскоре покупкой его доли, и промысел полностью переходил в руки владельца капитала.

Промыслы, перешедшие в руки новых владельцев, не могли вмещаться в рамки ремесленного производства. Это были крупные предприятия своеобразного типа, типа мануфактур (обслуживались преимущественно наемными рабочими; продукция предназначалась для продажи, т. е. налицо товарный характер продукции; зарождение такой стимулирующей оплаты труда, как сдельная; отсюда улавливается деление вложенного капитала на постоянный и переменный, разделение труда определяется самим характером производства).

Связи между самими солепромышленниками, а также между ними и наемными работными людьми носят всё более выраженный буржуазный характер.

2. Анализ солеваренных промыслов не только ярко вскрывает процесс экспроприации мелких посадских промышленников и вложения торгового капитала в производство, но и показывает наличие имущественного и социального расслоения.

Уже в первой половине XVII века начала оформляться на посаде такая группа семейств, все члены которых,

вились до женщин, стали работать по найму на соляных промыслах, т. е. начали формироваться кадры постоянных варничных работных людей.

При огромной текучести посадского населения ряд семейств из поколения в поколение работает в соляных промыслах. Это особенно относится к квалифицированным варничным работным людям (повара, подварки, кузнецы, трубные мастера). Постепенно теряя дворы и угодья на посаде, они живут в избах на своих небольших земельных участках, а иногда и на землях солеваров; им остается только одно — жить продажей своей рабочей силы. По своему имущественному положению, по источникам существования, по формам отношений с владельцами производства, по тому, что они владеют определенным мастерством, — эта категория посадского населения может быть отнесена к обученным предшественникам наемных рабочих, или, по выражению Ф. Энгельса, — к «предпролетариату».

Сложившийся рынок рабочей силы как подсобных, так и квалифицированных солеваренных рабочих полностью удовлетворял промыслы Тотьмы и уезда, создавал резерв и для других таких промыслов Поморья.

В 1688 году в Тотьме были 24 действующие варницы, на которых работало не менее 150 человек. Абсолютное большинство из них были коренные посадские люди. Из всех посадских людей, кто работал там, только один числился «худым» статейным человеком, все остальные были в группе нищих людей. Оплата труда по всем группам варничных работных людей к началу XVIII века снизилась от 15 до 30% при общем росте стоимости жизни.

3. В целом мы наблюдаем здесь элементы перехода от простого товарного хозяйства к капитализму, т. е. превращение в данном случае рабочей силы в товар. Бессспорно, это лишь частное, спорадическое явление, но это не уменьшает его значения для исследования проблемы зарождения генезиса капитализма.

III. ДРУГИЕ ПРОМЫСЛЫ, РЕМЕСЛА И ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТОТЬМЫ И ТОТЕМСКОГО УЕЗДА В XVII ВЕКЕ

Население восточной части нынешней Вологодской области занималось не только обслуживанием солеварения и транспорта.

В Тотьме и Устюге была развита металлообработка на основе местных болотных руд. Если устюжские кузнецы получали кричное железо из Белослудского стана, то тотемские кузнецы получали его из Судромской волости Важского уезда (сейчас Вельский район Архангельской области).

В течение всего XVII века не уменьшался спрос на труд тотемских посадских кузнецов и на продукцию кузнецкого промысла. Число кузниц тяглых посадских людей возросло с четырех в 1620 году до двадцати в 1679 году. Затем количество их начинает уменьшаться, так как крупные солевары устраивают кузницы при промыслах, но число кузнецов, наоборот, непрерывно возрастает как в XVII, так и в первой половине XVIII века. Если в 1620 году на посаде числилось всего 12 человек, занимавшихся кузнецким делом, то в 1702 году был представлен правительству список уже на 59 человек¹).

Тотемские кузнецы прежде всего обслуживали солеварение и судостроение.

Из кричного железа они ковали цыренные полицы, из которых шивались сковороды для выварки соли, цыренные гвозди и нагвоздья, различные инструменты для бурения скважин; якори, гвозди и скобы для судостроения, а также сохи и сошники, серпы и ножи, замки и другие предметы.

Цыренные полицы закупались не только тотемскими солеварами, но и Строгановыми в Соль Вычегодскую, Панкратьевым в Серегово и в северные поморские усолья Прилуцкого монастыря.

Тотемские кузнецы работали на рынок и на заказ. Причем, начиная со второй половины XVII века, работа на рынок начала преобладать. Вместе с этим происходит резкое имущественное расслоение в этой группе населения.

Если кузнецы Нератовы были в числе самых зажиточных людей посада, то большинство кузнецов разоряется, теряет кузницы и кузнечную снасть и превращается в людей, которые работают главным образом по найму у солеваров и зажиточных кузнецов.

Пользуясь тяжелым положением кузнецов, солевары

¹) Сведения за 1702 год взяты из росписного списка, хранящегося в ЦГАДА. Приказные дела старых лет. 1702, № 53.

к началу XVIII века снизили оплату труда кузнецов и молотников в 2—3 раза.

В Тотьме, в деревнях Тотемского и соседних уездов много людей занималось различными ремеслами. Особенно много было плотников. Наиболее квалифицированные из них занимались изготовлением деревянных деталей рассоловодъемных труб на солеваренных промыслах или рубили избы, бани, сараи и сплавляли на продажу в Тотьму и Устюг.

Изготавливались на рынок и по заказу бочки, ушаты, плошки, чаны, бады. Крестьяне Царевской волости (к юго-западу от Тотьмы) славились гончарными промыслами.

На посаде были свои сапожники, портные, скорняки и овчинники, хлебники и квасники, калачники и пирожники. Многие посадские люди занимались изготовлением сальных и восковых свечей. Спрос на предметы потребления всё возрастал как со стороны посадских людей, потерявших свои дворы и огороды и живущих наемным трудом, так и со стороны проезжих работных и торговых людей.

Ведущими отраслями сельского хозяйства были хмельводство и скотоводство. Почти все посадские люди Тотьмы, имевшие огороды, выращивали хмель. В уезде хмельводство было особенно развито в посухонских волостях — Окологородной, Тотемской, Старототемской, Устюжской, Сученгской, Царевской и далее до Устюга Великого (сейчас это вдоль реки Сухоны в Тотемском, Нюксенском и Велико-Устюгском районах). Хмель выращивался на продажу. Из Тотемского уезда тысячи пудов его ежегодно шло на рынки Устюга, Соли Вычегодской, Пальска, Туглима, Перми и ряда сибирских городов.

Много крупного рогатого скота шло на рынок не только из Тотемского уезда, но и из нынешнего Тарногского района.

В XVII веке в Вологде, Тотьме, Устюге были крупные хлебные рынки, на которых казной закупался большими партиями хлеб как для отправки в сибирские и северные поморские города, так и для экспорта через Архангельский порт¹⁾. Таможенные книги Тотьмы все 20—40-е годы

¹⁾ В фонде приказных дел старых лет за 1630 год, № 72, есть указание, что в 1629—1630 гг. голландец Елисей Ульянов получил право беспошлинной закупки в Тотемском уезде, Устюге и по Двине

XVII века отмечают огромные закупки хлеба как в самой Тотьме, так и особенно в Усть-Толшме и Усть-Ихалице на реке Сухоне, куда привозился хлеб из галичско-костромских пригородов. В 1630—1631 годах только в Тотьме, Усть-Толшме и Усть-Ихалице было закуплено казнью 378000 пудов разного зерна, а всего мимо Тотьмы прошло с хлебом из Вологды и Тотемского уезда к Архангельску 38 лодей и 8 дощников¹⁾.

Рынок промыслового тотемского посада имел определенное значение в процессе складывания всероссийского рынка и в процессе начавшегося первоначального накопления. На территории, втянутой в орбиту тотемского рынка, можно выделить три основных района, с которыми были наиболее прочные и постоянные связи.

а) В состав первого входили Галич, Кострома и их пригороды, торговые люди которых покупали главным образом соль, а продавали хлеб.

б) В состав второго входили все Устьянские волости, все волости Кокшенгской чети и несколько волостей (особенно Судромская) Верховажской чети Важского уезда.

в) В третий район входили города, стоящие на самом речном пути, и особенно Вологда и Устюг Великий.

Если первый и третий районы безусловно влияли на состояние тотемского рынка, то последний в свою очередь оказывал большое влияние на развитие товарно-денежных отношений, ремесла и на товариизацию сельского хозяйства в указанных выше волостях Важского уезда. Для них почти единственным рынком сбыта был тотемский рынок.

IV. ИМУЩЕСТВЕННОЕ РАССЛОЕНИЕ И ПОВИННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТОТЬМЫ В XVII ВЕКЕ

Наряду с развитием рыночных отношений, с ростом товарного производства в промыслах, ремесле и сельском хозяйстве, шел и процесс экспроприации, имущественного и социального расслоения населения посадов и деревень Восточного Поморья.

На примере Тотемского посада мы имеем возможность

47720 четей хлеба (286320 пуд.). О больших закупках хлеба подтверждают и советские исследователи рынка Устюга Великого А. Мерзон и Ю. Тихонов. (Рукописи защищенных ими диссертаций в библиотеке им. В. И. Ленина).

¹⁾ Таможенная книга по Тотьме, № 7.

проследить эти процессы: тотемские посадские люди не только потеряли солеваренные промыслы, но и кузницы, лавки, полянки, хмельники, огороды и даже дворы. В 1688 году на посаде 24 дворовладельца, или 14,6% к общему числу ученных владельцев дворами, захватили 41,5% всей земли, отведенной под дворы. Большинство посадских людей, особенно работавших по найму в солеваренных промыслах и по обслуживанию водного транспорта, или не имело совсем своих дворов, или жило в избенках и землянках. К концу XVII века количество самых бедных людей, бобылей и нищих, достигло 95,2% к общему числу всего мужского населения Тотемского посада. При этом нужно иметь в виду, что в конце XVII века в Поморье нищими называли не только тех, кто питался подаянием. Сюда входили и те, кто не имел дворов и огородов и занимался работать на промыслы и в судовые ярыжные.

Экспроприация трудовых масс приводила не только к обнищанию и резкому имущественному расслоению, но и к социальному расслоению, т. е. к зарождению такой группы посадского населения, основным источником существования которого становилась работа по найму.

Количество таких людей к концу века возросло в несколько раз.

Разорению народных масс Поморья способствовала и фискальная (налоговая) политика феодального государства, в целом феодальный гнет, который с неменьшей тяжестью давил как посады, так и чернососное крестьянство этого района страны. Нужно учитывать, что в бюджете феодального государства XVII века Поморье было главной доходной статьей¹).

Известно, что поморский город обязан был платить целый ряд постоянных налогов, из которых наиболее тяжелым являлся налог, известный под названием «стrelецкие хлебные запасы», т. е. сбор хлеба на жалованье служильным людям²).

¹⁾ М. М. Богословский. Указ. соч., т. II. Предисловие. С. Веселовский. Сошное письмо, т. I, М. 1915, стр. 184—185. 200. 239.

²⁾ В советской исторической литературе наиболее полный анализ финансов и фискальной политики в XVII веке дан в «Очерках истории СССР XVII века», опубликованных Институтом Истории АН СССР в конце 1955 года.

Хотя для Поморья оклад этой подати давался нату-
рой, но разрешалось платить деньгами по определенной
правительством установленной стоимости окладной чети
или юфти (четыре ржи и четверть овса) хлеба. И хлебный
оклад, и его стоимостное выражение, а следовательно и
сумма налога всё время повышались.

Если в 1618—1620 годах Тотемский посад с уездом
платили всего стрелецких денег 292 р. 50 к. в год, то с
1638 года нужно было вносить по 1026 р. 62 к., а с 1663
года — по 5677 р. 27½ коп. в год. Платить было нечем. Об-
разовалась огромная недоимка.

В 1679 году в Русском государстве была проведена
налоговая реформа, по которой стрелецкие, данные и
оброчные, полонянничные налоги были объединены в еди-
ный налог — стрелецкие деньги, которые собирались в
Тотьме из расчета по 1 р. 30 к., а с 1682 года — по 90 коп.
с каждого двора, или по 3298 р. 40 к. в год с посада и
уезда¹⁾.

Это уменьшение не облегчило положение тотьмичей,
так как при проведении переписи и описания Тотемского
посада в 1676—1679 годах писцы записали дворами все
избенки, землянки и кельи пришлых людей и обложили
их полным подворным окладом. Население стало уходить
с посада. А те, кто оставался, обязаны были платить и
за ушедших. Хотя правительство и исчисляло этот налог с
двора, но всю причитающуюся сумму согласно количе-
ству переписных дворов посадская община обязана была
платить независимо от того, сколько фактически остава-
лось и было дворов после переписи. Количество дворов и
изб на посаде с 1676 года по 1688 год уменьшилось с 333
до 257, что повысило фактический раскладочный оклад в
Тотьме стрелецких денег опять примерно до 1 р. 10 к. с
двора.

Если учесть, что в конце XVII века в Тотьме кузне-
цы-молотобойцы и варничные рабочие зарабатывали
по 1—2 коп. в день, то станет ясным, сколь тяжел был
этот налог для основной массы населения.

Другой тяжелой повинностью была ямская. На Тоть-
ме существовал ям, с которого давались суда и подводы
в 4 дороги: вверх по Сухоне до Шуйского яму 160 верст,
вниз до Бобровского яму 140 верст, до Соли Галицкого

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1681, № 61; 1688, № 333, л. 3.

120 верст, до Важского уезда 130 верст. Ямщики комплектовались на ям путем найма, для чего собирались с посадских и волостных людей деньги, исходя из фактического расхода на содержание яма. А расходы были не малые. Часто ехавшие по подорожным чинили насилия, требуя дополнительного количества подвод к указанным в подорожных, проезжали на этих подводах далее конечных пунктов тотемского яма и т. д. В 1671 году тотьмичи жаловались, что Мангазейский воевода Павлов по подорожной взял 14 подвод, да сверх того 15, и все те подводы провел мимо Шуйского яма до Обнорского, а ямщиков бил и увечил, ямских лошадей «пересадил». Насилие и произвол проезжавших отражались и на ямских расходах — приходилось нанимать подводы по дорогой цене (от Тотьмы до Бобровского яму платили по $1\frac{1}{2}$ рубля за подводу, а до Соли Галицкой — по $2\frac{1}{2}$ рубля) ¹⁾. Только за одни «проездные» мимо ямов ежегодно дополнительно расходовалось по 300 рублей и более. Зимой нужно было возить государево питье, окутывая его войлоками, овчинами и шубами, на что ежегодно расходовалось более 400 руб., не считая ежегодного расхода на подводы по подорожным в сумме 1387 руб. Да ездили с Мезени мимо Тотьмы с кречетами и в осенне-зимнее время за распутицей подолгу жили в Тотьме, «беря большие коры на птицу и на сопровождающих людей» ²⁾.

Более 200 лет шел неутихающий спор Тотьмы с Устьянскими волостями о ямской гоньбе. Тотьмичи добивались, чтобы ямскую гоньбу устьянцы несли с ними ³⁾.

Собираемые, как и со всех городов, чрезвычайные налоги (пятая, десятая, пятнадцатая деньга) в силу специфических особенностей раскладки и сбора особенно обостряли классовую борьбу между самими посадскими людьми. К сожалению, нам не удалось обнаружить точных данных об этих платежах, приходится лишь сослаться на опубликованные довольно скучные по Тотьме источники в работах Веселовского и других ⁴⁾.

¹⁾ Приказные дела старых лет, 1671 г., № 131.

²⁾ Приказные дела старых лет, 1673. № 456, лл. 1—16.

³⁾ Приказные дела новой разборки. № 2042.

⁴⁾ С. В. Веселовский. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М. 1908. П. М и л ю к о в. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1905. Е. Д. С та-

Сбор даточных людей был не менее тяжелой повинностью для посада. Собирался он натурой (людьми, часто с подводами и саперным инструментом), а иногда еще и деньгами. В 1650/51 году велено было собрать за даточных людей по 2 гривны с двора¹). В своей челобитной тотьмичи писали: «Да с нас же сирот твоих взято на твою великого государя службу даточные конные в монастырский приказ на 162 и 163 и на 164 годы с 50 дворов по человеку. Итого взято 168 человек, а в найме вышло на месяц по 7 р., итого 14712 р.... да с нас же сирот во 167 г. взято в Москве в Костромскую четью к сбору в солдатскую службу с 12½ дворов по человеку, итого взято 224 ч., и те солдаты поверстаны на Москве в стрелецкой службе и дано им из мира найму 6720 р.»²).

Источники не позволяют точно определить всю сумму ежегодных платежей в казну, но совершенно очевидно, что тяжесть фискального гнета возрастает к концу века в несколько раз.

Необходимо учесть, что сами описания и переписи посадов преследовали не только фискальные цели, но и создавали возможность для зажиточных членов посадской общины закреплять за собою захваченные угодья и захватывать новые. В целом, не желая того, но проведением переписей и описаний правительство способствовало ускорению процесса экспроприации, имущественного расслоения.

Кроме платежей и повинностей в казну, посадские люди собирали не малые деньги на разные мирские расходы — на содержание воевод и их прожорливой челяди, на содержание приказной администрации, на содержание церквей, на оплату мирских посыльщиков в Москву с челобитьями и т. д.

Только воеводам, их женам и детям, воеводским людям денежных почестей давалось по 12 рублей в месяц, а на содержание воеводского двора (закупка продуктов

шевский. Пятина 142 и торгово-промышленные центры Московского государства. ЖМНП, 1912, № 4. О сборе пятины 142 года, в том числе и по Тотьме, есть небольшой материал у А. М. Карпачева, защитившего недавно кандидатскую диссертацию о городах Московского государства и их торгово-промышленном населении по пятине 1634 г. (142 г.) (Рукопись в библиотеке имени В. И. Ленина).

¹) Приказные дела старых лет. 1652, № 18, л. 109.

²) Там же. 1671, № 74, лл. 31—34. П. Милюков. Государственное хозяйство России. Стр. 74—75.

питания, отопление и освещение, содержание лошадей и скота, обслуживание) расходовалось в год до 1000 рублей.

Содержание соборной церкви, оплата подьячих, приставов и сторожей приказной избы и другие мирские расходы требовали ежегодно не менее 600—700 рублей. Всего в год, кроме чрезвычайных сборов, посад и уезд расходовали на мирские нужды в 70-е годы XVII века по 10—11 тысяч рублей¹).

Тягость мирских расходов усиливалась тяжестью мирской службы, на которую ежегодно избиралось не менее 50—60 человек, только для посадской и всеуездной земской и таможенной службы. Сохранился ответ на запрос правительства, сколько на Тотьме лучших, середних и молодших людей в год было во всякой службе в 1678—1681 годах. Оказалось, что на таможенной и кабацкой службе ежегодно было от 15 до 18 человек (голова, ларешный целовальник, погребной целовальник и 12—15 дозорных), на земской службе — от 16 до 22 человек (посадский и всеуездный земский староста, его товарищи, 2 целовальника и 12—18 окладчиков), на службе по отписному го судареву варничному соляному промыслу 4 человека. Эти люди из посадских и уездных людей. Сюда не вошли ямские старосты, сборные целовальники, избираемые эпизодически для сбора различных раскладных денег (чрезвычайных государственных сборов и по мирской раскладке); в годы закупки и отправки хлеба на казну избирались также особые целовальники.

В каждой волости в зависимости от количества населения избиралось на земскую службу от 2 до 12 человек²).

Известно, что от Тотьмы посылались таможенными головами люди в первой половине XVII века в города Поморья, а во второй половине — в сибирские города.

Для поморского населения тяжесть косвенных налогов усиливалась материальной ответственностью за полный сбор таможенных и кабацких денег на уровне наивысших сборов. Стремясь собрать установленную сумму, таможенные головы и целовальники повышали пошлину с торговых оборотов, всячески ухищрялись спаивать население. Это в свою очередь приводило к разорению посад-

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1673, № 456, лл. 1—16

²⁾ Книга по Тотьме № 65 б.

ской бедноты, о чём неоднократно пишут не только посадские люди, но и воеводы. К тому же нередко недоборные таможенные деньги собирались со всех посадских людей, что еще больше усиливало тяжесть повинностей.

Наконец, сама система круговой поруки перед государством за исправное несение платежей и повинностей, система мирской раскладки способствовали усилению имущественного расслоения на посаде и в уезде, перекладыванию налогового гнета на маломощные слои населения.

Переход к сбору стрелецких денег по дворовому числу не способствовал тому, чтобы «убогие перед богатыми во отягчении не были», так как экономическая неравноценность отдельных дворов была столь значительна, что мирская раскладка, находившаяся в руках посадской и деревенской верхушки, не могла ее сгладить»¹⁾.

Произвол воевод и выборной земской администрации имел тоже немалое значение, содействуя обогащению одних и разорению других.

Правительство зорко следило, чтобы земское начальство было из числа «добрых прожиточных людей», что обеспечивало и более быстрое взыскание в казну недоборных денег, и борьбу с «разбойным» элементом на посаде и в уезде. Местные зажиточные люди часто шли на прямой подлог, чтобы провести в самоуправление своих людей. Так, в 1683 году они, подкупив воеводу Мичурина, вместо уже избранных на очередной год земского старосты и целовальников, выбрали новых «без всего мирского совету... и говорясь, они разводы делают на харчи себе и в пользу себя»²⁾.

Вряд ли стоит перечислять все примеры злоупотреблений со стороны воевод, подъячих, таможенных голов и земских старост. В архиве хранятся сотни жалоб посадских людей на произвол и злоупотребления. Нужно лишь отметить, что система привлечения к правежу давала широкие возможности зажиточному человеку и администрации применить насилие к маломощному и работному люду.

На правеж ставились посадские и волостные люди перед съездом избоя по приказу воевод или специальных

¹⁾ Н. В. Утюгов. К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу. Сб. «Академику Б. Д. Грекову». М. 1952. стр. 220—231.

²⁾ Приказные дела старых лет. 1684, № 198.

правительственных эмиссаров, приезжавших взыскивать недоимки. Суть правежа заключалась в том, что вызванных подвергали ежедневному избиению и держали до тех пор, пока недоимки не будут внесены.

Правеж был «мерный», когда посаженный в тюрьму подвергался ежедневному битью по полчаса, и «не мерный», когда избивали до серьезныхувечий, иногда смертельных. М. Богословский приводит пример мытарства земского волостного целовальника, который стоя на правеже, хотя и дал приставу 10 алтын для «поноровки», чтоб на правеже был не сильно», но всё же был так изувечен, что после освобождения домой дойти не мог, потому что «ноги на правеже перебили».

На правеж иногда вызывали представителей от волостей и посада, и часто сгоняли в Тотьму сотни людей. И с утра до вечера несколько дней шла порка на воеводском дворе до тех пор, пока, не выдержав истязаний, вызванные на правеж не давали слова внести деньги или не убегали с правежа и совсем с посада¹⁾.

V. КЛАССОВАЯ БОРЬБА И ВОССТАНИЯ В ТОТЬМЕ В XVII ВЕКЕ

Бесспорно, основу классовой борьбы в XVII веке составляло крестьянское движение; на втором месте в этой борьбе стояло движение посадских людей городов. Всё возраставший фискальный гнет феодального государства был одной из причин городских восстаний, имевших ярко выраженный антифеодальный характер. Но и внутри самого посада идет постоянная и ожесточенная классовая борьба между городской беднотой и «лучшими» людьми.

О классовой борьбе в Восточном Поморье нам известно по материалам городских восстаний в XVII веке в Устюге Великом и Соли Вычегодской. Но не только этими городами ограничивалась борьба. В Тотьме, например, городские восстания переплетались с антифеодальной борьбой черносошного крестьянства. Историк П. Смирнов кратко и только об одном восстании в Тотьме привел несколько документов²⁾). В Москве, в Центральном Архиве Древних актов нами найдены документы, позволяющие

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1668, № 258, лл. 1—14.

²⁾ П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Том II, стр. 62—67.

впервые осветить более широко классовую борьбу в районе между Вологдой и Устюгом. Классовая борьба в этом районе, как и вообще в Русском государстве, принимала различные формы, но стремление к открытым выступлениям всё более четко проявляется с середины XVII века.

Посадские люди в первую очередь прибегают к законным формам борьбы — к подаче бесчисленных челобитных с мольбами об уменьшении податей и тягот различных служб, с жалобами на воевод и представителей приказной администрации.

Много было жалоб на злоупотребления воевод. В 1667 году земский мир жаловался на воеводу Орлова, на его непомерные поборы. Сразу по приезде в Тотьму он потребовал себе 120 рублей, да установил ежемесячный побор по 12 рублей деньгами; ежегодно ему собирали по 600 пудов зерна, варили по 5—6 пив, на которые шло 15—20 четвертей хлеба, несли по полти мяса и по корби льну с сошками; брал он по 30 рублей в год с ямщиков, по 30 рублей за водовоза, по 50 рублей за сено для лошадей и т. д., все это, не считая обязательного приноса ему, его семье и челяди «в почесть» деньгами, мясом, рыбой, пивом, калачами. Такая прожорливость возмутила посад и уезд, тем более, что Орлов в нарушение прав земского мира выбирать в земские власти сам назначал угодных и послушных ему людей.

Воевода былмещен. Большое значение имело то, что тотьмичи, указав на поборы, доказывали, что воевода собирал их себе прежде сбора государственных денежных доходов¹⁾. По челобитью посадских и волостных людей было смещено еще несколько воевод, и во всех случаях это делалось тогда, когда доказывалось, что воеводские злоупотребления нарушили интересы казны.

Следующей и наиболее распространенной формой пассивной борьбы было бегство посадских людей и крестьян, оставление тягла. Что это было следствием усиления тяжести государственных повинностей и в то же время формой сопротивления этому гнету, понимало как правительство, так и поморское население. Недаром любая челобитная с просьбой об уменьшении налога или списании недоимок заканчивалась почтительной угрозой, что если просьба не будет исполнена, то люди разберутся, и казне

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1667, № 293, лл. 19—30.

государевой будет большой урон. Из этих же соображений исходило и правительство, если внимало иногда человеческому посадским людям.

Бегство не диктовалось отсутствием возможностей получить работу на Тотемском посаде, где был постоянный спрос на рабочую силу для солеваренных промыслов и для обслуживания речного и гужевого транспорта. Взамен уходивших с посада прибывали новые люди, которые находили здесь работу. Суть в том, что с нарастанием по-винностей возрастало и количество беглецов.

Люди уходили целыми семьями в другие города и особенно в Сибирь, чтобы избавиться от непосильного тягота.

Массовым было бегство после описания 1676/79 годов и введения с 1679 года подворного обложения стрелецкими деньгами. Количество мужского посадского населения за 9 лет (с 1679 до 1688 гг.) уменьшилось с 1100 до 622 человек, т. е. на 478 человек, или на 43,5%.

Немало уходило и крестьян. По росписи 1671—1673 годов в отдельных волостях запустело по 50—88 дворов, а всего по уезду 503 двора. Воевода Ртищев в своей отписке указывает, что пустота образовалась «от большого накладу московских стрелецких денег»¹).

Еще большее запустение в уезде образовалось после 1679 года. Количество всего мужского населения волостей в период между 1679 и 1688 годами уменьшилось с 8679 до 5555 человек, т. е. на 3124 человека, или на 36,0%, а количество пустых дворов и дворовых мест увеличилось с 451 до 1038²).

«Разбойные» действия некоторых посадских людей и крестьян также были направлены против угнетателей в лице администрации феодального государства и торгово-промышленных и вообще зажиточных людей города и деревни. Совершенно неправильное было бы представление о действительности того времени, если бы мы считали Суходон и Двину, этот второй после Волги, но более древний бурлацко-чумачкий шлях, спокойным и свободным от разбойных действий социальных низов того времени.

В стране, в случае обострения классовой борьбы усиливалась и такая ее форма, как разбойничество. Нужно учесть, что на эти годы приходится наибольшее число бег-

¹) Приказные дела старых лет. 1671, № 74, л. 1, 42.

²) К-482, л. 1038 и далее; К-891, л. 919 и далее.

лых крепостных крестьян в районы Поморья, о розыске которых в Тотьме и уезде сохранилось много документов.

Классовая борьба внутри посада шла непрерывно по самым различным вопросам: раскладка налогов, владение промыслами и земельными угодьями, ремесло и торговля, земское самоуправление и т. д.

Против скupщиков хлеба и солодовников Плюгинах, против солевара Абросима Клушица и особенно против дьяка и солевара Осипа Палицына объединялись все посадские люди. В 1660, 1662, 1675, 1683, 1684, 1685, 1687, 1693 годах посадские люди жалуются, что писцы пишут промыслы и угодья Палицына особой статью, и он, захватив тяглые промыслы и угодья посада, никаких служб с ними не несет. Неоднократно бывали очные ставки представителей посада с Палицыным в Москве, но всякий раз дело несправедливо решалось в его пользу. Палицын подкупил подьячего Устюжской чети Шипулина Дмитрия и тот дал неверную выписку из писцовой книги 1625 года, будто варницы, которыми завладел Палицын, не были приписаны в посадское тягло.

В действительности он владел варницами, что были за посадскими тяглыми людьми братьями Харламовыми и Фирсовыми, за Прокопием Мясниковым и другими, да он же — пишут в 1693 году посадские люди — «побрал за кабальные долги» тяглые дворы и у братьев Кузьминых, Федора Григорьева, Ивана Горбунова, захватил огород Матвея Данилова и другие угодья. Но и вновь дело решилось не в пользу посада. Тогда они решили принять свои меры: однажды ночью «собраша скопом» избили его и посадили в земскую избу за решетку. Здесь они устроили ему настоящий «правеж».

В жалобе на посад Палицын указывает, что они «мучили в дыму и чаду и за решеткою многое время и вымучили деньги 160 р. 24 ал.»¹⁾.

Благополучно не закончился правеж и для Абросима Клушица. Хотя земские целовальники от имени ми-ра и «правили мерным небольшим правежом», но через три дня после этого Клушинец подал жалобу, что ему ноги отбили и всего изувечили. Вскоре он умер, а возмож-

¹⁾ Приказные дела старых лет, 1685, № 146; 1687, № 231; 1693, № 40; 1693, № 2; 1694, № 71; лл. 15 об.—16.

но его попросту убили, в чем посад не без основания обвинялся Устюженской четью в Москве¹⁾.

Классовая борьба тотьмичей не ограничивалась вышеперечисленными формами. Трижды за XVII век дело доходило до открытых восстаний, главным образом против правительственные агентов и усиления фискального гнета.

Эти выступления особенно интересны тем, что в них заметно сочетается совместное выступление посадских людей и волостных крестьян при активной ведущей роли первых, что объясняется промысловым характером посада и наличием в Тотьме большого числа плебейской части населения — варничных работных людей и судовых ярыжных.

Первое восстание было в 1639 году, когда был повышен оклад стрелецких денег с 90 до 168 руб., а недоимка только по этому налогу уже составляла 733 р. 29 алт. Из Москвы пришло распоряжение не только взыскать эту задолженность, но и проверить, действительно ли существует пустота, что была выявлена до этого свозчиком Бороздиным. В некоторых волостях, особенно в Царевской, разгорелась борьба между крестьянской беднотой и зажиточными людьми с Василием Шиховым, Дружиной Дулеповым, Естифеем Самойловым и другими, которые захватили пустые жеребья беглых крестьян и с молодших крестьян лишние подати берут, многие мирские поборы берут с них себе²⁾.

Тотемские воеводы посыпают приставов по волостям собирать недоимки и высыпать крестьян в Тотьму на правеж, но уже в 1638 году кое-где крестьяне начинали оказывать сопротивление. 26 марта 1638 года был убит крестьянином Березовой слободки Давыдом Сердюковым тотемский пристав Дружина Кусков, а крестьянин Кулуйской волости Юрий Семенович Зыков говорил про царя «неприложие слова... избранил его матерно»³⁾.

Возможно, что не случайно было и убийство на посаде в 1639 году тотемского солевара и таможенного голоны 1638 года Никиты Мясникова⁴⁾.

¹⁾ Там же, 1654, № 12; 1660, № 147, л. 40; Приказные дела новой разборки, № 1420, л. 1.

²⁾ Приказные дела старых лет. 1639, № 45, л. 280.

³⁾ Там же, 1638, № 10, лл. 260—261, 387—395.

⁴⁾ Там же, 1643, № 79, л. 4.

Не могли не знать тотьмичи о волнениях и восстаниях в Москве в 1633—1634 и в 1637 годах, в Устюге — в 1632 году, в Соли Вычегодской — в 1637 году; борьба с беломестцами и за возврат закладчиков не могла пройти мимо Тотемского посада, где за монастырями и солеварами было несколько слободок и не менее 100 человек взрослого мужского населения¹⁾.

Когда тотемский воевода Алексей Большов получил распоряжение проверить пустоту, к нему явился земский староста Григорий Романов с целовальниками и предложил ему 50 рублей, чтобы воевода «для пустых земель досмотру не посыпал»²⁾. Воевода деньги не взял и разослал по уезду досмотрщиков, одновременно 19 июля он послал и рассыльщиков для вызова крестьян на правеж и сбора недоимки по стрелецким деньгам.

Это и послужило толчком для выступления крестьян и посадских людей. О событиях летом и осенью 1639 года подробно сообщает в Москву воевода Алексей Большов и сменивший его воевода Иван Малыгин³⁾.

Что особенно встревожило воеводу, так это повсеместный и дружный отпор со стороны крестьян всех волостей. Они не только не явились на правеж, но и рассыльщиков и приставов прогнали. Воевода в августе месяце запрашивает Москву, что же ему делать, ибо уж слишком «непослушанье, государь, их стало великое», а применить репрессии воевода боится, да и не в силах.

В ответ на свою отписку воевода получает из Устюжской чети предписание взять из каждой волости по 3—4 человека лучших людей, доправить недоимку, а за ослушанье бить батогами и посадить в тюрьму на три дня. Вторичная посылка по волостям также не дала результатов; отказались от платежей и посадские люди. Воевода еще более тревожно сообщает об этом в Москву, заключая отписку выводом, что «непослушанье, государь, стало великое во всем». Вновь получил указание воевода действовать решительно и вновь посыпает подьячих, приставов и рассыльщиков по волостям, которым удается привести к съезжей избе несколько волостных посыльщиков. Собранные посыльщики не только не дали согласия платить, но пошли на открытый бунт. Под руководством

¹⁾ П. П. Смирнов. Указ. соч., т. II, стр. 159.

²⁾ Приказные дела старых лет. 1649, № 25, лл. 18—19.

³⁾ Там же, 1639, № 45, лл. 89—90, 388—390, 535—546.

посыльщика из Стрелецкой волости Федора Агафонова они избили рассыльщика Семена Иванова, отбили остальных, все с правежу сошли и во главе с всеуездным земским старостой Ерофеем Самойловым явились на воеводский двор. Они заявили, что от своих посыльщиков из Москвы получили письмо, в котором те извещали, что скоро в Тотьму приедет новый воевода и потому от платежей нужно воздержаться.

В течение полугода «денежным доходам сбор стал», посадские люди открыто перестали выполнять распоряжения воеводы и шлют посыльщиков в Москву с требованием замены другим воеводой.

Вскоре действительно приезжает новый воевода Иван Малыгин. Начинается следствие. В Москве в чети допрашиваются посыльщики, которые писали письма с советами не платить денег до приезда нового воеводы, допрашивается избитый рассыльщик Иванов. В январе 1640 года воевода Малыгин получил предписание — деньги нравить нещадно, за ослушание бить батогами и сажать в тюрьму, а Федора Агафонова, что с правежу сошел и Иванова бил, «ссыкать, а сыскав, велеть его бить батоги нещадно перед съезжею избою».

Таково было первое открытое и всеобщее выступление посада и уезда. Характерно, что когда посадские люди и волостные посыльщики во главе с земским старостой явились к воеводе, в это время там присутствовали взятые в гостиную сотню посадские люди Панкратий Харламов, да приезжие боярский сын Карп Фролов и другие. Воевода ссылается на них, как на своих свидетелей, которые с бунтовщиками не участвовали. Во всех документах, где перечисляются фамилии активных участников «бунта» никого из посадской верхушки нет.

Приезд нового воеводы создал видимость успеха выступления, но вскоре тотьмичи убедились, что вновь приехавший еще более решительно начал действовать. Он представил доклад в Устюжскую четью, что выявленная Бороздиным пустота уже заполнена и что с уезда нужно брать ежегодно больше налогов на 415 р. 31 алт. 2½ д.

Также и по посаду Иван Малыгин все числившиеся по книгам Бороздина 40 пустых дворов записал жилыми. Записав это, воевода не оговорил, что с 1636 года в связи с пустотой оклад на посад был уменьшен на $\frac{3}{8}$ сошки. Дьяк Устюжской чети не заметил или не захотел разо-

браться в допущенном пропуске и дал указание собрать всю недоимку и за все те годы, когда 40 дворов были пустыми. Причем была допущена еще одна «ошибка», было велено за все прошлые так называемые недоимочные годы собирать стрелецкие деньги по высокому окладу последних лет, т. е. по 168 рублей.

В сентябре 1645 года тотемский воевода Логин Аничков получил список с книг Ивана Малыгина и предписание не только собирать все налоги по этим книгам, но и взыскать как недоимку не собранные деньги за 12 лет в сумме 4072 руб. 15 алт., да стрелецких денег по 830 р. 16 алт. 1 д. на год.

Начался нещадный правеж с посадских и волостных людей для сбора недоимок и очередных платежей. Обычно воеводы старались использовать для этого все средства, но теперь правительство, в целях повышения фискальной активности воевод, установило сторублевый штраф на тех из них, кто своевременно и полностью не выкачет всех денег. Жестокий правеж вызвал массовое бегство полнотяглых людей, что привело к образованию новой пустоты, и доля платежей на оставшихся еще больше возрастила.

Кроме этого, были еще основания общего характера для обострения борьбы, особенно в конце 1647 года. С 7 февраля 1646 года была введена повышенная пошлина на соль, и правительство, в расчете на большие доходы от нее, отменило сбор стрелецких денег. Но надежды не оправдались, и эта пошлина с декабря 1647 года была отменена, причем отмена сопровождалась восстановлением стрелецких денег с взысканием их за 1646 и 1647 годы. Было дано распоряжение собрать стрелецкие деньги в 1648 году в тройном размере. Это было одной из ближайших причин посадских восстаний 1648—1650 годов¹⁾.

Такова основная причина восстания в 1646—1648 гг., кульмиационными моментами которого были декабрьские события в 1646 и 1647 годах.

Вместе с этим немалое значение имела и внутрипосадская обстановка этих лет.

На сороковые годы XVII века приходится наибольшее оживление тотемских солеваренных промыслов за всю

¹⁾ Очерки истории СССР XVII века. М. 1955. Стр. 425—426.

первую половину века. К 1646 году на посаде действует самое большое число варниц, обновлялись и бурились новые рассолоподъемные трубы, а солевары Выдрин и Грудцыны открывали новые солеваренные промыслы на посаде и в Леденге, что требовало большого количества рабочих. Но пока еще это годы процветания и бурной деятельности посадских солеваров Харламовых, Брагиных, Выдриных, которые дают 68% всей продаваемой соли. Их еще не поглотили гости Булгаковы, Федотовы-Гусельниковы, Усовы-Грудцыны и другие крупные владельцы капиталов. Посадские солевары захватывают дворы и земельные угодья на посаде и в уезде, ведут торговлю не только солью, но и другими товарами, занимаются ростовщичеством, стремясь накопить больше денег для расширения промыслов.

Актовый материал этих лет богато изобилует судными делами по кабалам и закладам, жалобами посадских и волостных людей на произвол зажиточных. Троицкий поп Иван Гаврилов, сыновья которого Василий и Максим вскоре становятся людьми гостиной сотни, ростовщикескими операциями вызывает всеобщее недовольство. То он захватывает несколько дворов на посаде, а в тягле с них не участвует, то его сын Максим дает взаймы крестьянам Толшемской волости 69 р. 50 к., а кабалу потребовал написать в 129 рублей, когда же к сроку деньги не были ему внесены, поп с сыном привлекают крестьян к правежу и за небольшую отсрочку заставляют приписать еще 29 рублей¹).

В эти годы захватили в свои руки местный хлебный рынок солодянники и торговцы хлебом Афанасий Каплин, братья Плюгина, чем вызвали к себе ненависть посадской бедноты, которая особенно страдала от повышения цен на предметы питания. Когда потребовали на правеж Дементия Плюгина, то воевода встал на его защиту, на правеж не дал, потому что «человек он измождный, воеводам подкупаетца»².

В связи с делом Абросима Клушина, который «стакався» с зажиточными людьми посада и подьячими съездов избы и добился составления «без мирского совету» новой поручной, где якобы он освобождался от платежей с посадом налогов, началась борьба «худых» людей про-

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1645. № 17.

²⁾ Приказные дела старых лет. 1650, № 30.

тиз подьячих съезжей избы Степана Кускова и Ивана Саблина.

Посадские и волостные люди обвиняли их в по-
тврстве прожиточным и солеварам, в сговорах с воево-
дами, в отказе нести службы с посадом, хотя они явля-
лись коренными посадскими людьми. Сидя в подьячих
более 20 лет, они брали большие взятки, требовали себе
всякие «почести» деньгами и продуктами¹).

В 1646 году тотемский земский староста Василий Бра-
гин получил предписание оценить и продать имущество
бывшего таможенного головы гостя Гаврилова за тамо-
женный недобор, выразившийся в 1571 рубле, а ежели
это не покроет недоборных денег, то добрать с посадских
людей. Имущество было оценено всего в 689 рублей,
остальные деньги нужно было вносить в казну. За
отказ посадских людей проводить опись дано указание
старосту и трех лучших людей посадить на неделю в
тюрьму.

Посад шлет челобитные с просьбой освободить его от
платежа за Гаврилова, но получает отказ²).

В Царевской волости продолжается борьба малоиму-
щих крестьян с засильем Шиховых и других. К этому
времени значительно изменился и состав населения Тот-
емского посада. В 1646 году по сравнению с описанием
1625 года 55,7% дворовладельцев были из числа новых
людей, среди которых немало было пришлого элемента.
Заметно изменился посад и по имущественному положе-
нию. Если в 1625 году было только 16 бобыльских дво-
ров, то в 1646 году их уже 137, да 10 дворов нищих; зато
на посаде появилось 8 дворов гостиной сотни торго-
вых людей. Такая поляризация определенным образом
влияла на развитие событий.

Необходимо учитывать, что не только летом, но и зи-
мой на посаде полно проезжающего и проходящего ра-
ботного люда, довольно восприимчивого ко всякого рода
социальным проблемам, информирующего тотьмичей о со-
бытиях в других городах.

П. Смирнов, излагая события этого периода, пользо-

¹) О борьбе посада с ними материал в фонде Приказные дела
старых лет за 1630 г., № 70; 1650 г., № 30; 1654 г., № 12. Приказ-
ные дела новой разборки, № 1214.

²) Приказные дела старых лет. 1646. № 118, лл. 29 –33.

вался рукописями С. Б. Веселовского, приготовленными к печати для 2-го тома Актов писцового дела¹⁾.

Имеющиеся материалы дают возможность воссоздать общую картину восстания в Тотьме в 1646—1647 годах.

С конца 1645 года воевода Логин Аничков начал собирать налоги по книгам Ивана Малыгина. С людей, кого ему удавалось вызвать на правеж, он зверски выколачивал деньги. Посадские люди жаловались, что воевода деньги правит с них так: «во весь день держит в правеже и велит бить большим немерным смертным правежом», «а к ночи мечет в тюрьму», и от этого люди бредут врознь, а «иные примерли». Недаром с воеводы за его усердие был снят штраф, наложенный в начале года.

Но и эти жестокие меры не помогли. Уже к маю 1646 года еще организованнее и решительнее, чем в 1639 году, поднялся посад, а «смотря па посадских людей» и волостные крестьяне стали чинить непослушание.

Особенно дружно выступили крестьяне Вожбальской волости, где образовалась большая пустота. В мае 1646 года они «от земского старосты и от рассыльщиков отбились и править тех денег на себя не дали». Самое интересное и новое в сравнении с выступлением в 1639 году заключалось в том, что крестьяне этой волости не только па Тотьму на правеж не пошли, но и к себе никого не стали пропускать, устроив по дорогам «засеки и стражи».

Видимо, не одна волость устроила заграждения, да дело и не ограничилось только этим. Приехавшие в это время переписывать посад и уезд переписчики князь Иван Вяземский и подьячий Леонтий Нестеров в июне этого года сообщали: «А ныне, государь, другие половины Тотемского уезда писать стало неможно, потому что... начали быть разбои и убивства смертные многие». Здесь же они пишут, что 10 мая в 5 верстах от города был убит «воровскими людьми» земский целовальник Старой Тотьмы Гаврило Лосевской, и князь «не смеет»

¹⁾ П. Смирнов. Указ. соч., т. II, стр. 62—66. Он ссылается на материалы рукописей С. Б. Веселовского и несколько дел из фонда Приказные дела старых лет (1646, № 61 и № 148), 1647. № 95. Дополнительно мною найдены материалы в этом же фонде за 1645 г. № 17, за 1646 г. №№ 15, 18, 131; за 1647 г. № 27; за 1648 г. № 14, за 1650 г. № 30, за 1654 г. № 12 и др.; с рукописями Веселовского ознакомиться не удалось.

ехать в уезд, а братъ для обережения волостных крестьян он также не решается¹⁾.

На посаде борьба усиливалась. Вряд ли было случайностью, что ночью 9 июня 1646 года на старом посаде у варниц вспыхнул пожар, в результате которого сгорело 10 варниц, с амбарами и складами соли, сгорели все заготовленные варничные дрова и кабацкий двор. Соляной промысел встал. Не менее сотни варничных рабочих, оставшихся без заработка, оказались довольно опасными не только для правительственной администрации, но и для торгово-промышленных людей — ростовщиков посада²⁾.

Обстановка усложнилась еще и тем, что падеж скота в самом Тотемском уезде совпал с неурожаем в Галицко-Костромских пригородах. Хлеба не стало, цены поднялись, а скупщическая деятельность Плюгинах ухудшила и без того тяжелое положение бедноты³⁾.

В конце 1646 года стало известно, что переписные книги Вяземского, обнаружившие большую пустоту, не были утверждены, а на Тотьму и в Устюг посыпается с особыми полномочиями Лев Микулин с заданием провести новую перепись и любыми средствами всю образовавшуюся недоимку выколотить и выслать в Москву.

Уже сам факт его приезда вызвал резкую реакцию тотьмичей, а поведение, приемы и методы работы Микулина сыграли тоже немалую роль в развитии событий. Расчетливо жестокий, мрачный и физически больной, нежелающий ничего учитывать и ни с чем считаться, Микулин сразу же поссорился даже с новым тотемским воеводой Алексеем Головиным. Отношения правительственного агента с местным воеводой обострились, дошло до взаимных и серьезных обвинений. Дело в том, что если Микулин собирал недоимки за прошлые годы, то воевода Головин нес полную ответственность за сбор текущих налогов и за недоимку, которая образовалась с 1646 года. Микулин ставил на правеж, и воевода требовал на правеж. Оба «правили» немерным правежом, держали недоимщиков неделями в тюрьме, приказывали приставам не потворствовать, а бить батогами покрепче. Стонал по-

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1646, № 148, лл. 339—340.

²⁾ Приказные дела старых лет. 1646, № 148, лл. 364.

³⁾ Приказные дела старых лет 1646, № 148, лл. 145—147; 1647, № 95, лл. 137—138.

сад, стонал весь уезд, остановилась нормальная жизнь и деятельность на посаде.

Уже 12 декабря 1646 года посадские люди хотели расправиться с Микулиным, о чем он сообщает во многих своих отписках в Москву.

«И декабря, государь, 12 дня тотменя посадские люди приходили ко мне, холопу твоему, к съезжей избе скопом, лаяли меня и хотели убить, и в твоих государевых четвертных доходах отказали и подьячего площадного, который мне дан для письма, из съезжей избы взяли»¹⁾.

В другой отписке он подробнее освещает события этих дней. Приехав в Тотьму, он послал рассыльщиков за посадскими людьми и стал править с них деньги, но безуспешно.

Вскоре Микулин выясняет, что приводят на правеж лишь «худых», малоимущих людей, что рассыльщики норовят им и на правеже «быть лехко». 12 декабря он за это избивает одного из рассыльщиков, но тут в защиту избитого и стоявших на правеже людей выступили посадские люди. Во главе стали Семен Симакин, Иван Маланьин, Яков Желвачев, Родион Момотов, Иван Юдин, Михаил Кусков, которые с другими, а «человек сто» пришли к Микулину и «хотели убить», и всех посадских людей, что стояли на правеже, освободили²⁾.

2 мая 1647 года об этом было доложено царю, который дал приказание всех перечисленных Иваном Микулиным посадских людей посадить в тюрьму на три дня, «чтоб им впредь так воровать было неповадно». Вряд ли удалось это осуществить в связи с развитием дальнейших событий. Нужно отметить, что все посадские люди, что возглавили освобождение взятых на правеж, состояли в те годы в числе «худых» людей посада, только Семен Симакин был «молодшим». Ни один из зажиточных не участвовал в «бунте».

Микулин 25 декабря 1646 года уехал в Устюг, приказав собирать деньги тотемскому подьячему Ив. Саблину, в поддержку которого из Устюга прислал 10 стрельцов. Но тотьмичи продолжали упорствовать, а стрельцов с

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1646. № 131, лл. 43—45; 1648. № 14, лл. 1—2; 1646. № 61, л. 74.

²⁾ Приказные дела старых лет. 1647. № 27, лл. 217—218.

Тотьмы прогнали. В ноябре 1647 года Микулин посыпал из Устюга вновь 10 стрельцов, а 6 декабря этого года он приехал и сам в Тотьму, имея теперь уже 20 стрельцов. События этих дней изложены Микулиным в одной из отписок.

«... И декабря ж, государь, в седьмой день посыпал я, холоп твой, устюжских стрельцов Теренку Антонова с товарищи по тотьянин посадских людей для правежу твоих государевых доходов. И того же, государь, числа устюжские стрельцы, пришед ко мне, холопу твоему, на съезжий двор, сказали, что посадские люди во дворах заперлися, к съезжему двору на правеж не пошли. И декабря же, государь, во вторые на десять день (12) тотянин посадские люди принесли мне, холопу твоему, письменный отказ в съезжую избу за своими руками... А декабря ж, государь, два десяти во второй день (22) часу в семом очи тотмени приходили ко мне, холопу твоему, к двору, окошка поленьем выбили. А в рожу я, холоп твой, и людышка мои и дворник тех людей не узнали, потому что ночь гораздо темна была»¹⁾.

В другой отписке Микулин сообщает, что и после ночного нападения 22 декабря 1647 года опасность для его жизни не уменьшилась, так как «и после этого числа, ходя мимо съезжую избу, посадские люди стрельцам и мне, холопу твоему, грозят убийством и всякие лихие делы, и мне, холопу твоему, двадцатью человеками стрельцами не токмо всего посаду, и одного человека осилить невозможно, потому что и у одного посадского человека живет ярыжных однех варнишных человек десятка по три и по четыре, кроме братьи и детей и племянников»²⁾.

Итак, дважды правительенному агенту угрожала довольно серьезная опасность на Тотемском посаде. В декабре 1646 года посадские люди, по мнению самого Микулина, не убили его только потому, что в это время на посаде много «излучилось разных городов торговых людей»³⁾.

Ровно через год, 22 декабря 1647 года, положение было еще хуже, прямо-таки, по его мнению, безнадеж-

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1646. № 61. лл. 74—79.

²⁾ Там же, лл. 102—108.

³⁾ Там же, 1674. № 95. лл. 61—66.

ное. Описывая обстановку, он указывает, что посад многолюден, что на нем «всякого человека будет тысячи с полторы, окромя уезда»¹.

Но и в уезде крестьяне продолжали сопротивление. Крестьянин стрелецкой волости Федор Агафонов, тот самый, что в 1639 году избил рассыльщика и организовал побег с правежа, и сейчас стал во главе всей волости, призывая на правеж не ходить и подати не платить. Микулин послал в волость стрельцов, которым удалось Агафонова привести в Тотьму. Дело с Агафоновым интересно еще и тем, что вскрывается метод, какой применял Микулин для сбора недоимок. Он брал одного-трех наиболее зажиточных крестьян и с них правил за всю волость... «а те, скучные крестьяне тем лучшим людям оплачивались опасле, а иным кабалу на себя давали». Агафонов был из числа зажиточных. Возможно, в данном случае, он имел в виду только свои личные интересы, но его сопротивление и призыв к остальным, с учетом его деятельности и в 1639 году, имели большое значение в ходе восстания.

Если перепись 1646 года обнаружила большое запустение Тотемского посада и уезда, то после нее в конце этого года и в 1647—1648 годах бегство полнотяглых людей усиливается. Рассыльщики, посланные в феврале 1647 года в Уфтижскую волость собирать налоги, сообщили воеводе, что из этой волости крестьяне разбежались, осталось на всю волость 9 человек, которые, приложив роспись 45 беглецов, просят с них за пустые повытья не взыскивать. В волости Дмитриев Наволок осталось только 6 крестьян².

Из Москвы дано распоряжение немедленно послать в Важский и Устюженский уезды приставов и рассыльщиков за беглецами. Воевода сообщает, что крестьяне Ромашевского стана, Важского уезда, Иван Сверчков, Дементий Михайлов и Василий Ив. Максимов «собрався человек со сто и больше и шенкурских приставов (были выделены в помощь тотемским — П. К.) у них отняли, и крестьян своих Ромашевского стану в понятые для сыску беглых крестьян не дали, и во всем отказали и подвод не дали».

¹⁾ Там же, 1674. № 95, лл. 71—75.

²⁾ Приказные дела старых лет. 1647. № 27, лл. 4—16.

Выступили на защиту беглецов и крестьяне Илезской волости этого же уезда, где дело дошло до избиения присланных приставов, которых «хотели убить»¹⁾.

Конечно, некоторые крестьяне стали сами возвращаться, и в первую очередь более состоятельные, которые убегали временно, надеясь переждать карательные действия тотемских воевод и Льва Микулина. Так, вскоре возвратились в Дмитриев Наволок известные носники Баевы, Лукины и другие. Воевода потребовал на них поручные, а потом и посадил в тюрьму, чтобы другим «не повадно было».

Источники не позволяют проследить более детально ход восстания, продолжавшегося более двух лет. Видимо, и в 1648 году, когда восстанием были охвачены многие города, в том числе и соседние Устюг Великий и Соль Вычегодская, борьба тотемичей еще продолжалась.

В течение всего века идет борьба судовых ярыжных и речных лоцманов с судовладельцами. После восстания 1646—1648 годов нижнесухонские носники (речные лоцманы, водившие суда на участке реки Сухоны между Тотьмой и Устюгом) создали свой союз для организованной борьбы за свои права. Они подписали 15 марта 1653 года так называемую «заодиначную запись»²⁾, в которой было указано, что если тотемские и устюжские воеводы будут носникам чинить разные обиды, то они, носники, должны друг за друга стоять и в обиду никого не давать.

Организация нижнесухонских носников довольно успешно действовала с 1653 по 1683 годы. Сохранилось много жалоб судовладельцев на носников, часто борьба выливалась в открытые столкновения той и другой стороны. Правительство долго занимало колеблющуюся позицию в вопросе об организации носников. Оно было против этой организации, но, поскольку носники за право наниматься на суда повольною ценою, без поручных записей, обязались платить в казну пошлину в размере 10% с заработка, это было выгодно казне. К тому же первое время носники выступали довольно дружно, и, пожалуй, запретить их организацию было невозможно. Когда в

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1647. № 27, лл. 21—24.

²⁾ Опубликована А. Введенским в статье «Заметки по истории труда на Руси в 16—17 вв.» (Архив истории труда в России. Петербург, 1922, кн. 3).

1668 году правительство по жалобе судовладельцев попыталось арестовать многих носников, то это грозило приостановить движение судов, ибо без носников ни один судовладелец не отваживался плыть на участке между Тотьмой и Устюгом.

Только позже, когда в среде самих носников резко усилилось имущественное расслоение, когда из их среды появились даже люди гостиных сотни, пытавшиеся весь носничий промысел взять в свои руки, когда в силу этого разгорелась борьба в самом союзе и он ослаб, правительство в 1683 году запретило его существование.

Вернемся к событиям на посаде после 1648 года.

Затихнув несколько после 1648 года, классовая борьба усиливается в период крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина.

Распространение «прелестных писем» агентами восставших в пределах Тотемского и соседних с ним Вологодского и Устюжского уездов облегчалось тем, что здесь было достаточно такого населения, которое и чутко воспринимало призывы, и готово было активно включиться в борьбу. Открыто ремесленный люд и черносотенное крестьянство Поморья не примкнуло к восстанию Разина, даже, как увидим ниже, часть из них принимала участие в поимке и казни отряда сподвижника С. Т. Разина — Ильи Ивановича Пономарева. Это объясняется отнюдь не классовой инертностью поморских трудящихся и не отсутствием условий для вовлечения их в единый фронт начавшейся великой крестьянской войны.

Судовые ярыжные — эти северные бурлаки, которые не раз бывали на Волге в качестве «волжских ярыжек», работные люди соляных промыслов и судостроения, посадская беднота, чьим источником существования всё чаще становилась продажа своей рабочей силы, деревенская беднота, всё более попадавшая в пучину кабальных отношений, терявшая землю и работавшая на речном транспорте, — вся эта масса «свободных» государственных людей готова была подняться на борьбу. Но слишком поздно дошли первые отряды восставших до Поморья, где к тому же были свои специфические особенности, и в первую очередь отсутствие поместного землевладения и частновладельческих крепостных крестьян. Правительственным агентам и местным богатеям удалось представить восставших, как простых воров и разбойников и как

ту же враждебную силу, с которой в 1609—1615 годах боролись северные города и волости.

И всё же крестьянская война оказала значительное влияние на жизнь поморского населения, на обострение здесь классовой борьбы. Ознакомление с событиями того времени в Поморье представляет интерес, тем более, что этот вопрос еще неполно исследован.

Имеющиеся источники позволяют осветить обстановку в Тотьме и Тотемском уезде в 1667—1674 годах.

С 1667 года правительство начинает получать тревожные сообщения вологодского, тотемского и великоустюжских воевод об усилении разбойных действий со стороны местных и пришлых людей.

За этот год есть материал розыска по делу крестьянина Царевской волости Герасима Харабардина, который обвинялся в организации 15 грабежей и в лужении медных денег. Здесь же материал об участии в разбоях 8 крестьян Тотемского уезда и 3 беглых крепостных из Вологодского уезда¹⁾. Тотемский воевода Орлов сообщает, что крестьянин Иван Меркурьев в споре с другим крестьянином сказался, что «он царева роду»²⁾.

К 1669 году Сухоно-Двинский речной путь становится все менее безопасным. Новый тотемский воевода Максим Григорьевич Ртищев в июне этого года сообщает в Москву, что в Тотемском и Устюжском уездах объявились воры-разбойники, которые на Сухоне суда разбивают и грабят, что в мае месяце напали на князя Козловского, ехавшего по государеву указу на Вагу, да разбили два дощаника вологодского торгового человека Бориса Оконнишникова. Князь Козловский показал, что нападение было в Тотемском уезде против Березовой слободки; нападавшие выплыли в стругах, стреляли из луков и пищалей, ранили 3 человека, но нагнать не смогли³⁾.

Нападали не только на суда торговых и приказных людей, но совершали ограбление церквей и монастырей⁴⁾.

Получив отписку Ртищева, дьяк Устюжской чети немедленно делает выписку в доклад царю, в которой указывает, что только в Устюге Великом есть 100 стрельцов, а в других городах некем сбороныться. После докла-

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1667. № 75.

²⁾ Там же, № 157.

³⁾ Там же. 1669. № 162, лл. 1—2; 1669. № 342, л. 1—6.

⁴⁾ Там же. 1669. № 342, лл. 1—6.

та сразу же посыпается грамота в Тотьму, Устюг и Соль Вычегодскую со специальным наказом: «Буде в тех трех городах и в уездах объявятца тати и разбойники, или какие воровские люди, и за теми ворами посыпать в погоню тотчас безо всякой оплошки, збиная с волостей всяких подымных людей с ружьем, чтоб от воровских людей посадским людям и волостным крестьянам разореня не было»¹). За этой грамотой сразу же посыпается вторая, где сообщается, что царь указал «послать голову московских стрельцов Афанасия Левшина, а с ним три человека сотников, 300 человек московских стрельцов на Сухону и на Двину реку, для сыску и поимки воров и разбойников, которые объявились ниже Тотьмы... И ты б ему, Афанасию, порох и свинец и фетиль, и для письма подьячих и палача, и для посылок под стрельцов подводы, и надбавку к стрельцам людей давал незамотчав...»²).

Тревога тотемского воеводы вполне объяснима, если учесть накаленность обстановки на посаде и уезде, если взять во внимание начавшийся «бунт» семи волостей Тотемского уезда в 1667 году, еще при воеводе Орлове. События начались с того, что волостные посыльщики семи волостей (Цадевской, Тиксненской, Стрелицкой, Молской, Толшемской, Вожбальской и Кулуйской) не только сами с Тотьмы от правежа бежали, но и стали подговаривать всех крестьян на правеж неходить и податей не платить. Орлов посыпает в эти волости приставов, но крестьяне всех семи волостей не подчинились, а «от приставов отбились», т. е. попросту изгнали их.

Посадские люди поддержали крестьян, так как образовавшуюся за посадом и уездом огромную недоимку в 10883 рубля воевода правил со всей жестокостью. Когда воевода хотел послать донесение о бунте семи волостей, то земский староста Естифей Шихов даже посыльщика не дал и 20 декабря 1667 года в сопровождении представителей «тех огурных волостей» пришел к нему во двор и начал «лять» воеводу и заявил, что платить недоимку, особенно за образовавшуюся пустоту, не будут. На другой день и несколько дней сряду воеводский двор вновь был заполнен посадскими и волостными посыльщиками во глав-

¹⁾ Характерно окончание. Именно это был основной лейтмотив правительственной пропаганды.

²⁾ Приказные дела старых лет. 1669. № 162, лл. 8—9.

ве со старостой, ругавшими воеводу. Одновременно посадские и волостные люди послали в Москву жалобу на Орлова, обвиняя его в бесчинствах, в больших поборах и в избиениях, заканчивая словами, что они «тово его воеводского немерного смертного правежу не моглистерпеть и справежу сошли».

Злоупотребления Орлова были столь очевидны, да и общее положение в стране было столь тревожно, что правительство решило Орлова заменить Ртищевым, одновременно поручив последнему расследовать жалобу.

Заменив Орлова воеводой Ртищевым, правительство сумело несколько сгладить остроту событий в Тотьме, но это была временная разрядка. Отряды Разина одерживали победу за победой, влияние их начинало всё более сказываться на настроении населения поморских посадов и волостей. Конкретно в Тотьме обстановка осложнялась наступившим голодом в связи с неурожаем. В 1669 году в Ильин день летом выпал снег и лежал на полях трое суток, а в 1670 году во многих местах хлеб побило градом. Люди питались смесью толкуна с сеном и соломой; свирепствовала цынга, многие уже помирали от голода.

А из чети шли новые и новые грамоты, требовавшие от Ртищева самых решительных мер для сбора очередных платежей и особенно недоимок. Ртищев, этот энергичный и деятельный воевода, понимал всю опасность создавшихся условий; опасаясь снятия за бездействие и поノровку посадским людям, он пошел на крайнюю меру: бросил на правеж не только посыльщиков от посада и волостей, но и весь состав земского самоуправления во главе с посадским и всеуездным земским старостой Спасским, чего никогда еще ранее не бывало. 25 июня 1670 года староста и целовальники посылают челобитную царю, в которой описывают невозможность собрать недоимки, так как люди разбрелись, а остальные голодают. Воевода с личной припиской посыпает эту челобитную в Москву. Хотя это вызвало бы недоумение, Ртищев объяснил взятие на себя отсылки челобитной тем, что иначе все бы разбежались. По существу он понимал: струна так натянута, что вот-вот лопнет и произойдет восстание¹⁾.

Из всех воевод Поморья того времени Ртищев, пожалуй, первый понял всю опасность для государственных интересов бушевавшей крестьянской войны в Поморье. Он на-

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1669. № 342.

стороженно и бдительно следит за событиями, тем более, что уже в 1668 году в Леденгском усолье гостя Василия Грудцына побывали отряды крепостных крестьян разных ветлужских помещиков¹). Это он подсказал правительству организовать карательные отряды московских стрельцов для очистки Поморья от проникших сюда повстанцев и местных «разбойных людей».

Именно Ртищев предал скорому суду и казни Илью Ивановича Пономарева, одного из наиболее крупных предводителей-сторонников С. Т. Разина, действовавших в Поморье.

Единственным документом, передающим обстоятельства его гибели, является уже опубликованный в 1894 году «Список с отписки» тотемского воеводы Максима Ртищева, несколько грамот из Москвы в Тотьму и переписка между воеводами Тотьмы, Соли-Камской, Вятки, Яранска, Галича²).

Других источников обнаружить в архиве не удалось.

Известно, что после поражения Разина под Симбирском восстание не прекратилось, наоборот, оно, расширяясь, перекинулось в Заволжье. Отряд под руководством Ильи Ивановича Пономарева и черемиса Мирона Федоровича Мумарина, выступив осенью 1670 года из Козьмодемьянска, двинулся вверх по Ветлуге, поднимая на борьбу крестьян и посадскую бедноту.

Через три дня отряд подошел к селу Никольскому — вотчине боярина Богдана Матвеевича Хитрова, чьи крестьяне убили десятского и примкнули к повстанцам. Отсюда по окрестным селам и деревням были посланы «прелестные» письма. Вскоре примкнули и крестьяне других деревень «с триста семьдесят человек, а всех в сборе стало четыреста человек». Сделано было 5 красных знамен, а весь отряд разбит на боевые порядки — на десятки и сотни. Атаманом был избран Илья Иванович Пономарев, старшиной — Мумарин, есаулами — Дмитрий Куварка и Андрей Скукарок.

С Ветлуги отряд пошел на Унжу, и по мере продвижения под его знамена становилось всё больше и больше

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1671. № 385, лл. 6—10.

²⁾ Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М. 1894. Книга 3-я, стр. 3—23. «Список» напечатан с предисловием А. А. Голубева, который в 1888 году, пользуясь этим материалом, поместил довольно тенденциозную статью в историко-литературном журнале «Исторический вестник» (СПб, 1888, том 33).

крестьян этого района. Когда Пономарев пришел в Унженский городок, в его отряде уже насчитывалось 400 конных и 300 человек «по саням». В связи с приближением крупных регулярных правительственные сил под командованием стольника и воеводы Василия Нарбекова, повстанцы выступили из города к северу. После неудачной стычки с Нарбековым в верховьях реки Шанги в Богородском стану большая часть во главе с Мумаринным двинулась на Судай и далее, в районы Устюжского и Соликамского уездов, а И. И. Пономарев в сопровождении 10 человек, взяв себе «вожи детину тотъянина» (проводника), пошел через Леденгское усолье к Тотъме.

Захваченные Нарбековым крестьяне из отряда И. Пономарева показали, что он пошел через Кологрив и Вятку к Соли Камской. Соликамские воеводы в январе 1671 года писали в Тотъму, что, по сообщению вятского и яранского воевод, якобы 2 января Илья Иванов пойман и казнен в Устюге Великом. В действительности в Устюге был захвачен Мирон Мумарин с семью товарищами, причем он с тремя поставцами был отправлен в Москву, а 4 человека оставались в Устюжской тюрьме.

О том, как погиб Илья Иванов в Тотъме, сообщает Ртищев в своей отписке в Москву и соликамским воеводам.

10 декабря 1670 года он получил сообщение от галицкого воеводы Нестерова Семена, что Илья Иванов пошел от Унжи по направлению к Тотъме, а на другой день, 11 декабря, прибежал посланный из Леденгского усолья работный человек П. Замятин и сказал, что «ехали мимо их усолье Леденгское в санех на пяти лошадях незнамые люди, сидят по два человека в санех, да перед ними лошадь простая заводная бежит, а сказываютца казанцами».

Воевода собрал всех своих людей и человек около ста посадских людей и устроил по дорогам засады. В пяти верстах от Тотъмы Пономарев и его спутники были схвачены и сразу же в съезжей избеначали их пытать. Первым был подвергнут пытке сам Илья Иванов. По описанию это был человек среднего роста, с продолговатым лицом и прямым удлиненным носом, светлорусый, с более темными бровями и небольшой бородой. На допросе он показал, что родом он из города Кадома, а дворовый человек боярина князя Юрия Петровича Буйносова-Ростовского, а сей-

час «казачий он атаман войску и прибору атамана и старшины казачьей Степана Разина». В Тотьму он шел «для подзору и проведыванья про ратных людей и ружья», а вскоре за ним сюда придет весь отряд под командой Мумарина.

В числе его товарищей был козьмодемьянец Дмитрий Семенов прозвищем Куварка, с Казанского присуду Андрей Федотович Скукарок, дворовый человек Буйносова-Ростовского с Лапшанги Никольского стану Дмитрий Дмитриев, крестьянин князя М. В. Львова из д. Чошихи Ветлужской волости Киприян Кузьмин Соловьев и, наконец, беглый московский стрелец, а крестьянский сын Вожбальской волости Тотемского уезда Петр Ларионов Петухов.

Опасаясь приближающегося отряда Мумарина, не доверяя посадским людям и волостным крестьянам, Ртищев поспешил учинить суд и расправу. 12 декабря 1670 года все 6 человек были на берегу реки Сухоны повешены. По просьбе галицкого воеводы тело И. Пономарева было отправлено в Галич «для узнаванья товарищев его, и подлинно де ево Илюшкина смерть была ведома всему народу впредь для смятения».

Воевода принял меры к обороне и успокоению населения, вплоть до подкупа. Из отобранных у Пономарева денег, он 80 рублей раздал всем, кто вступил в организованные воеводой сторожевые заставы, «чтобы им было из-за чего государю работать». Это по тому времени были большие деньги. Если молотобойцы, варнишные рабочие получали от 1 до 2 копеек в день, то он выдал по 10 копеек на человека. Видимо, воевода привлек таким образом несколько сот человек. Нужно учесть, что в представлении поморских посухонских людей казачьи отряды были синонимом прямого разбоя, а казачья организационная структура разинских ополчений во главе с атаманами скрывала от них классовый характер борьбы и социальный состав участников. Местные зажиточные люди стремились обособить интересы поморского населения от интересов крепостных крестьян Московского государства.

На всех дорогах поставлены были сторожа, заставы и были учинены засеки. Одновременно во всех городах были посланы отписки о возможном продвижении отряда Мумарина.

Пономарев и Мумарин погибли, но их сторонники дол-

го еще боролись, вселяя страх в сердца воевод и поморской нарождавшейся буржуазии. 11 марта 1671 года сольвычегодский воевода писал, что к нему привели Григория Дементьеву, гулящего человека — крестьянина, принадлежавшего князю Львову. Ранее этот человек был в отряде Ильи Ивановича Пономарева. Дементьев показал, что они хотели с Унжи идти на Тотьму, Устюг Великий, Соль Вычегодскую и другие города, когда же узнали о казни атамана Пономарева, то «разбрелись врознь по волостям скитаться и призывать к себе в товарищи многих охочих людей»¹).

О том, насколько были охвачены волнением населенные районы к югу от Тотьмы, видно из отписки таможенного головы Ивана Самойлова, который сообщал, что в связи с действиями отряда Ильи Ивановича Пономарева с 1 декабря по 30 марта 1671 года никто на Тотьму с хлебом не приезжал, и потому цены на хлеб поднялись в несколько раз²).

Кроме посланных в Поморье 300 стрельцов для пресечения «разбойных действий», для еще большего устрашения населения на посадах и в волостях зачитывается царская грамота о казни С. Т. Разина. В предписании о зачтении грамоты прямо указывалось назначение этого мероприятия, чтобы посадские люди и крестьяне «ни на какие воровские прелести не прельщались»³.

Хотя тотемский воевода и сообщает, что при чтении этой грамоты никаких волнений не было и все «возрадовались», но классовая борьба в Поморье не утихала. Не поняв классовой сущности крестьянского движения под руководством Разина, посадская и крестьянская беднота прекрасно понимала свои цели борьбы. Система сбора недоимок, введенная в практику Микулиным и другими, еще больше способствовала закабалению крестьянской бедноты деревенскими богатеями. Внося подати за бедноту, они получали по кабальным записям имущество и рабочую силу. Особенно большие возможности для закабаления были в годы неурожая.

Воевода Непейцын, сменивший Ртищева, в 1671 году пытался даже установить некую регламентацию и свое-

¹) Приказные дела старых лет, 1671. № 70, л. 1—2.

²) Приказные дела старых лет. 1670. № 554, л. 16; 1671. № 75 л. 1—4.

³) Там же, 1671. № 240, л. 1.

образно защитить скучных крестьян и посадских людей, а вернее не допустить массового побега посадской и деревенской бедноты. Он разослал по волостям указание: «У которых людей всякого хлеба за своими обиходы в год в остатке будет, чтоб везли на продажу на Тотьму и продаивали повольною ценою, а в волостях молодчим людем давали б всякой хлеб взаймы до нови, а у них имали б письманные крепости для уверения».

Но это распоряжение повисло в воздухе. Имеющие хлеб не хотели проявлять даже кабального милосердия, ведь были все условия полностью захватить повытъя по дешевой цене. Воевода получил десятки челобитий, что «бедных и скучных и бесхлебных крестьян рожью и овсом не ссужают».

Тогда воевода посыпает распоряжение, чтобы ссужали хотя тех, у кого была засеяна рожь, а на повытъях крестьян, где не засеяно ни ржи, ни яровых, он велел «прожиточным людям яровой хлеб сеять, чтобы те же ребята не запустели»¹).

События в стране, волнения в Тотьме оказали свое воздействие и на крестьян соседних с Тотьмой Устьянских волостей, где в 1674 году произошло серьезное волнение в связи с попыткой приписать эти волости к Тотьме и распространить на них воеводское управление, открыть таможню и заставить нести ямские и другие службы тотьмичами.

В связи с образованием по Устьянским волостям большой недоимки (около 10 тысяч рублей), в декабре 1673 года было решено приписать их к Тотьме, а воеводе Квашину собрать недоимки с рассрочкой на 3 года. В грамоте устьянцам всё это преподносилось как царская милость, но крестьяне вполне понимали, что это конец их самоуправлению и свободам. Началась борьба, приведшая к открытому выступлению в большинстве волостей. То разгораясь, то затихая, борьба шла до конца века. В 1681 году устьянские крестьяне изгоняли подьячих и приставов из волостей, особенно сильное сопротивление было оказано в Никольской волости²).

Развитие товаро-денежных отношений в стране и на Тотемском посаде оказывало большое влияние и на отдаленные Устьянские волости. Появляются и здесь пред-

¹⁾ Приказные дела старых лет. 1671. № 129, лл. 1—2.

²⁾ Приказные дела новой разборки, № 935, № 2042 и др.

ставители торгово-промышленного класса, усиливается расслоение. И в конце XVII века борьба с правительством уже не объединяла всех в единый фронт, уже не все волости, а в волостях не все люди выступают единодушно.

После 70-х годов в Тотьме всё резче определяются различные интересы разных социально-экономических групп, всё больше материалов о борьбе посадской бедноты с прожиточными людьми и особенно с такими промышленниками, как Палицын, Булгаков и др., захватившими весь посад и его самоуправление в свои руки.

Нужно учитывать, что борьба на посаде с этими и другими солеварами шла не только из-за тягла, из-за захвата ими посадских угодий. Она переплеталась с борьбой работных людей посада с солеварами. Последняя обостряла борьбу по вопросам тягла, которая отражалась в документах и поэтому дошла до нас так отчетливо. О борьбе работных людей против своих эксплуататоров-солепромышленников можно судить лишь по косвенным данным. Но не случайно, что во всех известных нам случаях наибольшее обострение борьбы приходится на декабрь, на зимние месяцы. В это время на посаде находилась вся беднота, которая кормилась в период навигации работой на транспорте, заготовкой и разделкой дров для солеваров. В это время обостряется борьба и между зажиточной и плебейской частью посада.

Писец Засецкий, который сам довольно основательно обвинялся посадскими людьми в «поноровке для своей бездельной корысти соляным промышленникам, гостям и гостиной сотни и монастырям», приступая к описанию посада, сообщал в Москву следующее: «И на Тотьме... таможенную пошлину и питейную прибыль забирают на вере верные головы и целовальники по выбору немногих людей и свойственников и хлебоежцев мимо середней и меньшей статьи бедных людей»¹⁾.

Когда писец Засецкий, что-то не поделив, поссорился с воеводой Бестужевым, то в борьбу между ними были втянуты и посадские люди. Засецкого поддерживали зажиточные Яков Кусков, Афанасий Каплин и др., а воевода Бестужев выставлял себя защитником скучных людей. Трудно найти во всем этом истину, но, характерно, что

¹⁾ Приказные дела новой разборки, № 997, лл. 1—7.

челобитные в Москву идут от имени только скучных людей, в которых они жалуются на «разоренье им от лучших людей»¹).

В 1700 году произошло новое восстание в Тотьме и Устьянских волостях, когда для сбора недоимок был сюда послан подьячий Степан Турчанинов. В наказе ему предписано объявить тотьмичам, что если они учинятся непослушны, то за это будет наказанье: «биты кнутом безо всякой пощады и сосланы будут в Азов на вечное житье, и дворы их и животы взяты будут на великого государя». Выслушав это, посадские люди денег не дали, на правеж не пошли и сказали Турчанинову, что и «преж сего были многие указы», а платить доимочных денег не будут. Турчанинов ни с чем уезжает из Тотьмы в Устьянские волости. А в Устьянских волостях при переезде из Никольской в Шангальскую волость земский судейка Иван Ракитин, «собравшись многолюдством на дороге, его, подьячего, и с служилыми людьми перехватили и служилых людей дубьем били Сенка Павлов сын Мазура, Оска Анкудинов сын Лебедев, и иные многие крестьяне их тут били».

Нам неизвестно, как это восстание протекало. Но, судя по выписке в доклад, правительство расценивало это как немалозначающее событие. Шло большое дознание, обвиненные в бунте «в Устьянских волостях и на Москве были биты кнутом и батоги», а о бунте на Тотьме приказано дознать².

* * *

Такова вкратце картина занятий населения и классовой борьбы на Тотемском посаде, в уезде и в соседних Устьянских волостях.

Как бы своеобразно ни протекала классовая борьба в поморском городе, но она продолжала нарастать, приобретая всё более ожесточенный характер, как против правительенной администрации, представлявшей там власть класса феодалов, так и против прожиточных людей из числа поморских посадских людей и черносошных крестьян, против зарождающейся молодой буржуазии.

¹⁾ Приказные дела новой разборки. № 986, лл. 1—22.

²⁾ Приказные дела старых лет. 1700. № 45, лл. 1—11.